

Воронежский институт МВД России

С. А. Сашенков

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Монография

**Воронеж
2023**

ББК 74.58

С22

Рецензенты:

начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, подполковник полиции В. С. Соловьев;

эксперт отдела специальных и физико-химических экспертиз ЭКЦ ГУ МВД РФ по Воронежской области кандидат филологических наук, капитан полиции Г. А. Чуриков.

Сашенков С. А.

С22 Педагогическая профилактика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в сети Интернет : монография / С. А. Сашенков. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2023. – 146 с.

ISBN 978-5-00229-010-9

Монография посвящена причинам и условиям формирования, а также направлениям и способам педагогической профилактики правонарушений и деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа. Представлены социально-педагогические предпосылки правонарушений несовершеннолетних, раскрыты социально-психологические особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя? сформулированы психолого-педагогические задачи и стратегии профилактической работы с несовершеннолетними.

Адресована научным работникам, преподавателям и студентам педагогических, психологических и юридических образовательных организаций, учителям, социальным работникам, психологам и сотрудникам органов внутренних дел.

С-15-55(II)-23

ББК 74.58

ISBN 978-5-00229-010-9

© Воронежский институт МВД России, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Информационные коммуникационные технологии на основе сети Интернет стали неотъемлемой частью современного общества. Особое место среди наиболее популярных и часто посещаемых интернет-ресурсов занимают социальные медиа. Они представляют собой принципиально новую область создания, воспроизводства и организации социальных отношений. Интегрировавшись с новостными и образовательными порталами, социальные сети способны удовлетворить потребности пользователей в общении, получении и обмене информацией, развлечении.

В то же время сложность инфраструктуры современных компьютерных сетей и сетевых процессов, возможность анонимной деятельности в социальных медиа, недостаточно эффективное правовое регулирование внутрисетевых отношений привели к практически полной незащищенности несовершеннолетних пользователей от негативного контента в социальных медиа, усугубили проблемы, связанные с противодействием торговле детьми, проституцией и оборотом детской порнографии.

Данное обстоятельство объясняется тем, что в социальных медиа формируется сложная система деструктивных факторов, возникают новые виды социально опасной активности, что создает особый комплекс угроз для несовершеннолетних.

Основные среди них:

- угроза девиации несовершеннолетних в случае их ознакомления в социальных медиа с материалами, содержащими порнографические изображения, сцены насилия, пропаганду наркотических веществ, одобряющими совершение суицида, носящими экстремистский характер, разжигающими расовую национальную ненависть и т. д.;

- коммуникационные риски, связанные с потенциально опасными сложными межличностными отношениями в социальных медиа;

- противоправные действия в отношении подростков (хищение персональной информации пользователя социальной сети, вирусные атаки, онлайн-мошенничество и т. д.).

В связи с этим особое значение приобретает воспитание несовершеннолетних, чему уделяется повышенное внимание со стороны государства и общества. Значительная роль в данном направлении отводится системе педагогической профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних, в том числе и в социальных медиа, включающей законодательную регламентацию указанной сферы, методологически и теоретически обоснованное изучение причин и особенностей проявления деструктивного поведения несовершеннолетних, разработку эффективных психолого-педагогических средств для превентивной работы с подростками.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ, ВИДЫ И ПРИЧИНЫ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ТЕРНЕТА

1.1. Социальные медиа как среда деструктивного поведения несовершеннолетних

История социальных медиа начинается с создания в 1995 году интернет-ресурса Classmates.com, который помогал пользователям находить и поддерживать связь с друзьями и знакомыми. С развитием интернета и его доступности активность в социальных медиа перестала сводиться к простому обмену данными, для них стала характерна вариативность взаимодействия и высокая оперативность. Это обеспечило приток в социальные медиа большого количества пользователей, и сегодня в них представлены граждане различного социального статуса и возраста, коммерческие структуры и органы государственной власти. Возможности социальных медиа описываются и в криминологической литературе, при этом обращается внимание на роль социальных медиа в самореализации большого количества людей, наличие особых условий для активного влияния на общественное мнение, участие в формировании новостного потока, а также создании уникальных произведений – литературных, изобразительных, аудиовизуальных¹.

Подтверждением популярности и значимости социальных медиа для человека могут служить аналитические данные сайта Similarweb.com, специализирующегося на анализе веб-трафика. Согласно данным этого ресурса, в последнее десятилетие такие социальные медиа, как Facebook, «ВКонтакте», Instagram, TikTok, регулярно входили в десятку самых популярных сайтов в мире наряду с такими поисковиками, как Google и Yandex. Таким образом, можно уверенно считать, что социальные медиа представ-

¹ Антонян Ю. М., Тимошина Е. М. Причины преступности в России. – М., 2013.

ляют собой новое значимое явление не только в сетевом пространстве, но и в современном социуме в целом.

Проведённое нами исследование показывает, что 77% несовершеннолетних в возрасте от 7 до 17 лет пользуются социальными медиа. Особо внимание следует уделить показателям, характеризующим активность несовершеннолетних в социальных медиа. С целью выявления данных показателей нами был проведен опрос 436 пользователей социальных медиа, 372 из которых – несовершеннолетние. Опрос проводился двумя способами: с помощью специализированных интернет-сервисов Simpoll и Testograf (276 пользователей) и методом анкетирования (160 пользователей). В результате опроса установлено, что 82% несовершеннолетних пользуются социальными медиа более двух часов в день, 35% респондентов зарегистрированы в двух социальных медиа, а 45% в трех и более. 33% опрошенных несовершеннолетних пользуются социальными медиа более 5 лет. Основными видами деятельности в социальных медиа являются (в ходе опроса предлагалось выбрать несколько вариантов ответов): прослушивание аудиозаписей, просмотр видеозаписей и обновлений «друзей» и сообществ (95% опрошенных пользователей); общение и обмен контентом (55% опрошенных пользователей); знакомство с новыми людьми (20% опрошенных пользователей).

Стоит отметить, что у лиц, не достигших возраста совершеннолетия, процесс формирования системы жизненных ценностей и потребностей не завершился, активно воспринимается любая информация, независимо от ее качества. Данный факт вызывает особую тревогу в связи с тем, что формирующаяся система мировосприятия при социально негативном воздействии на неё в большинстве случаев становится основой деструктивной мотивации. Осложняет проблему и тот факт, что доступность и популярность социальных медиа приводит к тому, что их пользователями становятся люди различного социального положения и, как следствие, к увеличению участвующих в сетевых социальных

взаимоотношениях лиц, склонных к деструктивному поведению и совершению противоправных деяний. Кроме того, процесс становления социальных отношений в социальных медиа, не подкрепленный в достаточной мере ни соответствующими законодательными, ни нравственными установками, оказывает существенное влияние на структуру преступности, порождает не известные ранее формы деструктивного поведения. Среди них можно, в первую очередь, выделить распространение общественно опасной информации, сетевую агрессию (кибербуллинг), онлайн-мошенничество, похищение персональных данных и др.

Таким образом, есть все основания сделать вывод о том, что

- социальные медиа в России обладают большой популярностью;

- большинство несовершеннолетних лиц в России являются активными пользователями социальных медиа;

- несовершеннолетние пользователи социальных медиа в силу специфики своего психофизиологического развития подвержены более сильному влиянию, чем взрослые;

- в социальных медиа совершаются общественно опасные деяния.

Эти факты в свою очередь дают основания полагать, что часть деструктивных практик в социальных медиа совершается с участием несовершеннолетних. Подтверждением этому могут служить данные, полученные в ходе проса сотрудников правоохранительных органов. 73% респондентов заявили, что сталкиваются с деструктивным поведением несовершеннолетних в социальных медиа регулярно, 19% – отметили, что имеют место единичные случаи. Проблема деструктивного поведения в социальных медиа является одной из наиболее острых и актуальных в обществе для 88% опрошенных сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, вполне вероятно, что общественно опасные процессы, происходящие в социальных медиа, в том числе и с участием несовершеннолетних, оказывают влияние на

основные криминологические показатели преступности. В результате изучение масштаба и динамики происходящих в социальных медиа процессов имеет важнейшее значение для криминологии, поскольку «киберпреступность и кибердевиантность еще очень слабо изучаются в России»¹.

В последнее время социальные медиа активно изучаются с позиции социологии², психологии³, политологии⁴ и других наук⁵. Вместе с тем с позиции юридических наук социальные медиа изучены явно недостаточно. В научной литературе нам не удалось найти определения социальных медиа, которое отражало бы не только технические стороны их функционирования, но и весь комплекс социальных характеристик, имеющих значение для криминологии. В свою очередь, выявление и уяснение всех криминологически значимых характеристик социальных медиа необходимо для разработки предложений по совершенствованию системы педагогической профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа.

Поскольку интернет является «местом» и одним из ключевых условий функционирования социальных медиа, то начать, на наш взгляд, необходимо с познания его сущности. Интернет – это всемирная система объединённых компьютерных сетей для хра-

¹ Гишинский Я. И. Опасный новый мир // URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-10-03/5_virtual.html (дата обращения: 18 апреля 2022 г.)

² Аракелян Л. К. Проблема зависимости молодёжи от социальных сетей // Вестник СМУС74. – 2014. – № 1. – С. 5–6; Борисова О. В., Игнатъева А. А. Интернет-зависимость среди студентов России и Германии // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С.76.

³ Асманова Л. Р. Влияние социальных сетей на сознание подростков // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С.74; Гринькова Е. А. Особенности самопрезентации молодежи юга России в социальных сетях // Science Time. – 2014. – №12 (12). – С.133–143.

⁴ Шиллер В. В., Шелудков Н. Н. Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте») // Вестник КемГУ. – 2013. – № 3 (55). – С. 124–129; Зверев А. Л., Федоров А. П. Социальные сети как инструмент политического манипулирования (на примере организации массовых протестов в Гонконге 2014 г.) // Вестник БГУ. – 2015. – № 7. – С. 149–154.

⁵ Шипицин А.И. Феномен социальных сетей в современной культуре // Известия ВГПУ. – 2011. – № 3. – С. 36–40.

нения и передачи информации¹. С технической стороны интернет – это некая система хранения, обработки и поиска информации. Для систематизации хранения и облегчения поиска информации, находящейся в сети интернет, используются сайты. В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под сайтом понимается совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством сети интернет по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты². Важно отметить, что сайт социальной сети состоит из множества страниц, каждая из которых имеет собственный адрес, позволяющий идентифицировать их в сети интернет. Таким образом, учитывая функциональные возможности социальных медиа, их можно определить как сайты, имеющие собственный адрес в сети Интернет, который «позволяет частным лицам строить общественные или полуобщественные профили в пределах ограничений, наложенных системой, определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться информацией, просматривать и связывать их список контактов с другими, созданными пользователями внутри системы»³. Необходимо уточнить, что под профилем понимаются биографические (пол, возраст, место рождения и т. д.) и иные (хобби, предпочтения в музыке, литературе и т. д.) сведения, которые пользователь добровольно размещает в социальных медиа. Профиль используется, во-первых, для самопрезентации, во-вторых, для поиска «друзей» и единомышленников. Злоумышленниками, в свою очередь, профиль может использоваться для выбора жертвы преступления по определенным признакам (возраст, пол, материальное состояние и т. д.)

¹ Интернет-энциклопедия Википедия // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет> (дата обращения: 28 сентября 2022 г.)

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149–ФЗ // (дата обращения: 18 ноября 2022 г.).

³ Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – Т. 13. – № 1. – P. 211.

Таким образом, функциональные возможности позволяют пользователям строить в социальных медиа общественные отношения. Именно наличие общественных отношений делает рассматриваемые сайты социальными.

Можно считать, что социальные медиа образуют некое информационное пространство (киберпространство), в котором существуют взаимоотношения, присущие обществу в действительности. Данное утверждение подтверждает В. А. Плешаков, называя социальные медиа социализирующим киберпространством для группы людей, объединенных в данное конкретное интернет-сообщество, совместно организующих разнообразную информацию (контент: фото-, аудио- и видеоматериалы, файлы, ссылки и т. п.), презентующих, позиционирующих себя и осуществляющих киберкоммуникацию с другими пользователями¹. В свою очередь киберпространство определяется им как некое «созданное и постоянно дополняющееся человечеством сетевое информационное воплощение ноосферы»². И. М. Рассолов, рассуждая о социальной стороне киберпространства, говорит, что это «совокупность общественных отношений, возникающих в процессе использования интернета и других сетей, складывающихся по поводу информации, обрабатываемой при помощи ЭВМ»³.

Говоря о киберпространстве, важно подчеркнуть, что речь идет об условном пространстве, месте реализации интересов без четких географических границ. Это не территория, а «уникальная среда, не расположенная в географическом пространстве, но доступная каждому в любой точке мира, посредством доступа в Ин-

¹ Плешаков В. А. Киберонтология и психология безопасности информационной сферы : аспект киберсоциализации человека в социальных сетях Интернет-среды // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2010. – Вып. 4(19). – С. 135.

² Плешаков В. А. Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве // Педагогическое образование и наука. – М., – 2010. – № 1. – С. 28.

³ Дашян М. С. Обзор Конвенции Совета Европы о киберпреступности // Современное право. – 2002. – №11. – С. 20–24.

тернет»¹. При этом предпочтительно, на наш взгляд, рассматривать киберпространство «как особый вид социального пространства, возникающего на основе специфических форм социального взаимодействия, как специфическую среду проявления социальных отношений, имеющую уникальные пространственно-временные и социальные характеристики»².

Необходимо отметить, что в социальных медиа «реализуются различные правоотношения. При этом значительная часть отношений, как и в обычной жизни, характеризуется противоречивостью интересов их участников»³. При анализе общественных отношений в киберпространстве предпочтительно исходить из наличия сформировавшейся вокруг него сетевой социальной среды. Под сетевой социальной средой, на наш взгляд, следует понимать устойчивую специфическую совокупность пользователей, участвующих в сетевых коммуникационных процессах, и возникающих между ними общественных отношений, местом реализации которых становится киберпространство и, в частности, социальные медиа. Добавим, что проблема воздействия социальной среды на деструктивное поведение, взаимодействия личности со средой относится к числу центральных⁴.

Таким образом, социальные сети необходимо рассматривать как результат взаимодействия двух составляющих:

- физической среды, которая представлена сайтом социальной сети и программным обеспечением. Данная среда представляет место и создает условия для функционирования социальной сети;
- сетевой социальной среды, которая представляет собой совокупность пользователей и возникающих между ними общественных отношений в результате сетевых коммуникационных процессов.

¹ Рассолов И. М. Право и Интернет: теоретические проблемы. 2-е изд., доп. – М. : Норма. – С. 5.

² Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – С. 61.

³ Волчинская Е. К. Интернет и право: состояние и перспективы правового регулирования // Информационное право. – 2005. – № 1. – С. 17.

⁴ Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. – С. 70.

Такой подход к определению социальных медиа позволяет отразить их технико-социальную природу, что в свою очередь должно способствовать уяснению их криминологических особенностей и обеспечению изучения возникающих в них деструктивных процессов.

Уяснив сущность социальных медиа, представляется необходимым перейти к выделению и рассмотрению их криминологически значимых особенностей. К ним, на наш взгляд, следует отнести следующие:

- формирование и поддержку со стороны части пользователей социально опасных взглядов;
- нарушение механизмов детерминации позитивного поведения;
- влияние на психическое состояние пользователей (особенно несовершеннолетних).

Можно предположить, что среди огромного количества пользователей встречаются лица, которые по каким-то причинам не вписываются в общепризнанные рамки общества, остаются непонятыми большинством. Такие люди в силу своих интересов, убеждений или взглядов не способны самореализоваться в обществе. В то же время групповая сплоченность и постоянное общение для таких лиц – это основное средство защиты собственных интересов и взаимной поддержки. Однако подобная сплоченность и общение в реальном мире для них крайне затруднительны по ряду причин (трудно найти себе подобных, нежелание афишировать свои противоправные убеждения и интересы и т. п.). Социальные медиа же предоставляют им уникальные возможности для организации сообществ противоправного характера, коммуникации с целью обмена общественно-опасным опытом, а также для совершения противоправных действий.

Кроме того, субъективно воспринимаемая анонимность в социальных медиа ведет к снижению моральных ограничений, что позволяет пользователю социальных медиа, пусть и вирту-

ально, реализовывать свои фантазии, которые невозможно или трудно реализовать в обычном мире. Социальные медиа предоставляют пользователям дополнительную свободу действий и выражения эмоций, мыслей, чувств, ограничиваемую в реальной жизни. Указанные обстоятельства, безусловно, повышают привлекательность сетевой среды для указанных личностей, что подтверждается как специалистами¹, так и средствами массовой информации².

Отметим, что зачастую в таких сообществах и группах помимо поддержки социально-опасных взглядов осуществляется их пропаганда. Особую тревогу вызывает тот факт, что во многих случаях информация сообщества или группы, направленная на пропаганду социально-опасных взглядов, доступна всем пользователям социальных медиа, в том числе и несовершеннолетним.

Для подтверждения наличия фактов пропаганды социально-опасных взглядов, нами проведен анализ ряда сообществ и групп социальных медиа. Установлено, что даже при поверхностном поиске в социальных медиа можно обнаружить сообщества и группы, осуществляющие поддержку и пропаганду деструктивного поведения. Так, нами обнаружены следующие сообщества:

«Россия для Русских», количество подписчиков сообщества, то есть пользователей, которые являются его членами, на 19 апреля 2022 г. составляет 56 896 человек (21 августа 2021 г. – 52 888 человек, в январе 2019 г. – чуть менее 24 тысяч). Такое увеличение числа участников отражает ситуацию в обществе: регулярно в СМИ появляется информация об антироссийской пропаганде и межнациональных конфликтах, получающих широкий общественный резонанс. В сообществе публикуются и активно обсуждаются высказывания, текстовые документы и видеозапи-

¹ Зверанская Л. П. Интернет-зависимость как основная причина развития киберпреступности // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2015. – № 17. – С. 243.

² Расследование Би-би-си: в Facebook есть группы педофилов // URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160212_facebook_paedophiles_groups (дата обращения: 10 мая 2022 г.).

си, пропагандирующие национализм, оскорбляющие трудовых мигрантов и лиц нерусской национальности.

«Растаманы всех стран объединяйтесь», на 19 апреля 2022 г. количество подписчиков сообщества составляет 11 090 пользователей (в январе 2019 г. – 6512 человек). Материалы, содержащиеся в данном сообществе, популяризируют наркотические средства растительного происхождения.

«Эротика | Индивидуалки | Интим досуг», в январе 2022 г. подписчиками сообщества являлись 4511 пользователей, в сентябре 2019 г. – 7864, путем использования функции «Поиск по подписчикам» с применением возрастного критерия «до 18 лет» нами установлено, что 11% подписчиков данного сообщества – несовершеннолетние пользователи. Однако учитывая тот факт, что функциональные особенности социальных медиа позволяют пользователям увеличивать свой виртуальный возраст, то реальное количество несовершеннолетних, состоящих в данном сообществе, может быть больше. В сообществе содержатся объявления об оказании коммерческих услуг сексуального характера, а также изображения эротического характера. В марте 2022 года сообщество заблокировано за предложение услуг сексуального характера.

«Читы | Баги | Хакинг | Взлом | Пиар | Cheat», на 19 апреля 2022 г. подписчиками сообщества являлись 7574 человека. В сообществе содержится информация о методах взлома и подбора паролей к социальным медиа, электронной почте и т. д.

Все описанные сообщества на момент обнаружения являлись открытыми, то есть информация, содержащаяся в них, была доступна всем пользователям. В свою очередь функциональные особенности социальных медиа позволяют настраивать доступ для пользователей к информации в сообществе и группе: она может быть доступна только членам сообщества и группы; некоторым членам сообщества и группы; всем членам сообщества и группы, за исключением некоторых; всем пользователям социальных медиа.

Причиной столь долгого существования многих сообществ, содержащих негативную и противоправную информацию, является, на наш взгляд, заинтересованность руководства социальных медиа в наличии таких сообществ и вызванное этим нежелание осуществлять мониторинг с целью выявления запрещенной к распространению информации и её блокирования. Связано это, на наш взгляд, с простым фактом: чем больше пользователей являются участниками сообщества, тем дороже стоит в нем реклама. Таким образом, наличие информации деструктивного характера экономически выгодно для руководства социальных сетей.

Кроме того, проявление противоправной активности можно встретить и в сообществах, образованных на основе общих некриминальных интересов. Так, например, нами была обнаружена группа «Школа №1 города Сельцо». На странице сообщества размещены новости о школьных мероприятиях и реклама высших учебных заведений. Среди этой информации присутствует запись пользователя «Не Существующий» с предложением о продаже наркотических веществ – «skure: americanpsicho все для веселого отдыха курительные смеси».

Вполне вероятно, что такая пропаганда негативно влияет на еще формирующуюся систему жизненных ценностей и ориентиров несовершеннолетних, приводит к развитию «крайнего эгоцентризма, при котором всё поведение несовершеннолетнего подчиняется примитивным влечениям и желаниям»¹, вследствие чего у него возникает мнение о возможности и приоритетности противоправного поведения для достижения материальных благ. Для проверки этого тезиса были изучены результаты исследований по вопросам деформаций правосознания. Установлено, что одной из причин деформации правосознания является эффект «коммуникативной блокировки», проявляющийся в том, что со-

¹ Шуняев В. А. Негативная информационная среда и насильственная преступность несовершеннолетних // Материалы международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2013. – С. 212.

циальные сети перехватывают «вещательную инициативу» у ключевых агентов социализации (семьи и образовательных организаций) и способствуют распространению антисоциальных установок, ценностей, идеологий, мифов, стереотипов¹. Кроме того, информация, доводимая посредством социальных медиа, вызывает у пользователей соответствующую реакцию в виде эмоциональных, психологических переживаний, что приводит к формированию определенных установок во взглядах, ориентирах и даже поведении². Таким образом, можно говорить о наличии в социальных медиа информации, направленной не только на поддержку, но и на формирование социально опасных взглядов среди их пользователей путем деформации правосознания, особенно среди несовершеннолетних.

Информация, которой располагает человек, влияет на его поведение. В свою очередь, способами освоения новой информации являются:

- убеждение – воздействие на сознание личности, основанное на отборе и логическом упорядочивании фактов и выводов мировоззренческой концепции конкретного пользователя;

- внушение – словесное воздействие на бессознательном уровне. К внушению особенно чувствительны несовершеннолетние;

- подражание – связано с передачей информации с усилением эмоционального состояния от человека к человеку. С помощью подражания увеличивается число пользователей, чье внимание будет привлечено к факту или событию. Таким образом, подражание способно превратить часть потенциальной аудитории в реальную³.

Из социальной психологии известно, что мнение индивидуума в социальных медиа в значительной степени определяется

¹ Руденко К. И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Краснодар, 2015. – С. 9.

² Антонян Ю. М., Тимошина Е. М. Причины преступности в России ФГКУ «ВНИИ МВД России» – Спб. : Нестор-История, 2013. – С. 264.

³ Жукова Д. А. Методы воздействия на общественное сознание в детских СМИ // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 4. – С. 17–19.

мнением влиятельных пользователей (пользователей, имеющих наибольшее число социальных связей)¹. Если пользователь не обладает необходимым объемом информации о каком-либо факте либо не имеет достаточно возможностей для ее обработки, он в большинстве случаев доверяет мнению, поддерживаемому значительным количеством пользователей либо наиболее авторитетными пользователями.

Под влиянием понимается процесс существенного изменения смысловых образований, установок, систем ценностей². Используя это явление, можно получить возможность распространить какую-либо информацию по отдельным сегментам социальной сети (например, среди пользователей определенного возраста или региона). Механизм информационного воздействия основан на манипуляции сознанием пользователей социальных медиа и внесением в него информации, причем достоверность этой информации будет зависеть от поставленных целей информационного воздействия. Если один пользователь социальных медиа имеет возможность управлять информационным полем, в которое погружены другие пользователи (ограничивать информацию, фальсифицировать её, давать выборочно определённые необходимые знания), и внедрять необходимую информацию в сознание конкретного пользователя, то он может оказывать влияние на поведение данного пользователя или группы пользователей.

В свою очередь, поведение пользователя социальных медиа может зависеть от следующих факторов:

- индивидуального – внутренней склонности (предпочтений) пользователя выбрать тот или иной вариант действий в отсутствие какого бы то ни было внешнего влияния;
- социального – определяемого взаимодействием (взаимовлияниями) с другими пользователями сети и членами общества;

¹ Андриенко А. В. Социальная психология. – М. : Академия, 2000. – С. 74–78.

² Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. – М. : ПЕР СЭ, 2007. – С. 74.

- административного – результата воздействия (влияния) на него (управлением) со стороны управляющего органа – администратора или руководителя сообщества или социальной сети.

Сам же пользователь факта информационного управления в его отношении и внешнего влияния чаще всего не осознает, ему кажется, что думает и поступает он самостоятельно.

Исследователи проблем управления выделяют следующие этапы информационного воздействия:

- не критичность восприятия;
- неадекватное понимание ситуации;
- безразличное принятие происходящего;
- некритичное восприятие любой информации;
- обозленность¹.

В состоянии обозленности человек, особенно несовершеннолетний, не может отчетливо контролировать свои поступки, поэтому с большей долей вероятности (относительно его привычного, не возбужденного состояния) может решиться на совершение деструктивного деяния. Косвенно данное утверждение подтверждает тот факт, что ряд криминологов называют обозленность в качестве типичной черты несовершеннолетнего преступника².

Эффективность применения информационного воздействия основана на тщательном анализе характеристик управляемой аудитории в социальных медиа. Наиболее уязвимы пользователи социальных медиа перед информацией о нарушении или ущемлении их прав. Американский ученый Д. Лендвал пишет: «Тема прав человека – одна из самых выгодных. Ведь любой человек, в любом обществе всегда хочет жить лучше, чем он живет сейчас. Значит, оснований для недовольства всегда достаточно. Важно

¹ Кульба В. В., Малюгин В. Д., Шубин А.Н. Информационное управление (предпосылки, методы и средства) // Проблемы управления. – 2003. – № 1. – С. 62–67.

² Савельев А. И., Урусов А. А. Психологические особенности личности несовершеннолетних с противоправным поведением // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 2. – С. 54–56.

лишь подсказать, что из-за отсутствия прав у рядового человека мало шансов улучшить свое положение»¹.

Вполне очевидно, что регулярная подача большого объема специально подготовленной информации приводит к тому, что часть пользователей социальных медиа постепенно начинает разделять противоправные взгляды.

Ярким примером информационного воздействия является вербовка в социальных медиа молодежи в члены террористических и экстремистских организаций. Вербовщики, будучи хорошими психологами, применяют к каждому индивидуальный подход. Пользователю дают почувствовать, что он не один. Ему навязывают мысль, что виновата система, государство, другие религии. Затем ему подсказывают возможность отомстить за себя, причем в составе таких же единомышленников, строящих светлое будущее на основе понятных и справедливых законов (Великий Халифат). Через некоторое время пользователю указывают на «единственно верный», согласно идеологии ваххабизма, путь решения всех проблем – совершение террористических актов. Подобным образом, путем общения в социальных медиа, 19-летняя Алена Быкова в начале января 2012 г. познакомилась с жителем Астрахани, которому предложила вступить в незаконное вооруженное формирование для последующего совершения терактов. После уговоров и убеждений Быковой ее новый знакомый 18 марта выехал из Астрахани в Чечню для прохождения террористической подготовки. Установлено, что в период с октября 2011 г. по февраль 2012 г. девушка путем общения в социальных медиа склонила 3 своих знакомых к участию в незаконном вооруженном формировании для последующего совершения террористических актов². Еще одним ярким примером вербовки, получившим широ-

¹ Кульба В. В., Малюгин В. Д., Шубин А. Н. Информационное управление (предпосылки, методы и средства) // Проблемы управления. – 2003. – № 1. – С. 62–67.

² Девушка, вербовавшая смертников в соцсетях, получила 3,5 года // URL: <http://checheninfo.ru/16646> (дата обращения: 5 апреля 2022 г.).

кий общественный резонанс, является студентка МГУ Варвара Караулова. В июне 2015 года она была задержана в Турции при попытке незаконно перейти границу с Сирией, чтобы вступить в ряды запрещенной в России террористической организации ИГИЛ. До Варвары Карауловой была 18-летняя Мария Погорелова из Петербурга, ставшая Марьян Марьяновой. Приняв ислам и уехав в Сирию, чтобы сражаться в рядах ИГИЛ, в январе 2015 года под Дамаском погиб известный российский актер Вадим Дорофеев. В России с каждым годом растёт количество уголовных дел в отношении тех, кто решил участвовать в боевых действиях на стороне террористических организаций. По словам специалистов, основная работа вербовщиков ведется в социальных медиа¹.

Информационное управление активно используется в социальных медиа (например, в области маркетинга для продвижения определенного товара), и не всегда в рамках правового поля (вербовка молодых людей, организация массовых беспорядков). Использование информационного управления, вне зависимости от сферы применения, позволяет достичь следующих результатов:

- изменение степени информированности и объема знаний по определенным вопросам, импульс к потреблению или созданию новой информации, связанные с характеристиками мыслительного потенциала людей;

- изменение и/или формирование убеждений, мнений, интересов, позиции, точек зрения, жизненных установок (в том числе и противоправных), связанных с ценностными и критериальными ориентациями людей, отношения к внешней среде, близким и т. д.;

- формирование эффекта действия (непосредственного или отложенного, инерционного), связанного с широким спектром практических действий (голосование, участие в митингах, демонстрациях, массовых беспорядках или, наоборот, неучастие, бойкот выборов);

¹ Поводыри слепых – кто уходит в леса и пустыни, чтобы искать простые ответы на сложные вопросы? // URL: <http://www.1tv.ru/news/social/276867> (дата обращения: 5 апреля 2022 г.).

- формирование и/или изменение психологических нормативов характеристик жизнедеятельности людей, общего эмоционально-психологического фона их бытия¹.

Таким образом, можно сделать вывод о возможности использования социальных медиа для информационного управления, под которым понимается процесс выработки и реализации управленческих решений в ситуации, когда управляющее воздействие носит неявный, косвенный характер, а объекту управления предоставляется определяемая субъектом управления информация о ситуации (информационная картина), ознакомившись с которой этот объект самостоятельно (по его мнению) выбирает линию своего поведения².

Также в результате опроса несовершеннолетних пользователей социальных медиа нами установлено, что у 42% из них в «друзьях» от 200 до 400 пользователей, а у 19% – более 400. Результаты социологических исследований говорят о влиянии социальных медиа на многократное увеличение круга коммуникации, что в свою очередь усиливает процесс опосредованного общения людей, участники которого чаще всего имеют поверхностные, неглубокие межличностные отношения. Возникающие в социальных медиа коммуникативные контакты часто носят суррогатный, неполноценный характер. В научной литературе результатом увеличения коммуникационного круга социальных медиа называется сокращение влияния ближайшего окружения на личность, нарушение механизмов детерминации позитивного поведения³.

Кроме того, субъективно воспринимаемая анонимность в сетевом общении способна формировать у молодых людей представление о безнаказанности любых деструктивных проявлений в

¹ Сливицкий А. Б. Информационное управление // URL: <http://www.advertology.ru/article27076.htm> (дата обращения: 27 октября 2022 г.).

² Кульба В. В., Малюгин В. Д., Шубин А. Н. Информационное управление (предпосылки, методы и средства) // Проблемы управления. – 2003. – № 1. – С. 62–67.

³ Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – С. 141.

социальных медиа. Социальным медиа свойственно отсутствие персонифицированной негативной оценки деструктивных практик со стороны общества. Обусловлено это, во-первых, тем, что в институтах социализации несовершеннолетнего (семья, школа) еще не сформированы нормы морали, осуждающие какое-либо общественно-опасное поведение в социальных медиа. Детей учат основным правилам безопасности и нормам поведения в обществе (переходить дорогу на зелёный свет и только на пешеходном переходе, не брать чужое без разрешения и т. д.), однако правилам безопасного поведения в социальных медиа внимание уделяется недостаточно. Одной из причин этого является отсутствие у родителей и педагогов знаний о правилах безопасного поведения в социальных медиа и об опасностях, с которыми может в них столкнуться несовершеннолетний пользователь в социальных медиа. Все это стимулирует пользователей изменять в социальных медиа привычный стиль поведения, вести себя более свободно и нередко переступать некоторые нравственные и правовые границы.

Анализ научной литературы показывает, что социальные медиа способны оказывать определенное влияние и на психическое здоровье личности. Для людей, особенно для несовершеннолетних, получающих доступ к социальным медиа, сетевая среда иногда кажется даже более адекватной, чем реальный мир. А большой объем негативной информации, с которой пользователь сталкивается в социальных медиа, может быть причиной «долговременных нарушений в области психического, эмоционального и интеллектуального развития» несовершеннолетних¹, способен привести к возникновению «синдрома информационной усталости, а также к различным психическим расстройствам вплоть до массовой агрессии»². Большое количество «друзей» в социальных ме-

¹ Негативное влияние информационных технологий на психоэмоциональное развитие детей // URL: <http://кцсон.рф/index.php/technolog/public/119-q-q> (дата обращения: 25 января 2022 г.).

² Лешкевич Т. Г. Философия науки : учебное пособие. – М., 2008. – С. 259–260.

диа (напомним, что по результатам опроса у 42% более 200 «друзей») ведет к развитию истероидных черт и формированию зависимости от социальных медиа¹. Такая зависимость характеризуется длительным времяпрепровождением в социальных медиа, частым бесцельным просмотром обновлений. По мнению В. Д. Менделевича, специфика зависимости от социальных медиа заключается в том, что она (зависимость) может быть не только психологической и психопатологической, но и нормативной и даже гармоничной (например, любовная зависимость), а спектр зависимости «распространяется от адекватной привязанности, увлечения, способствующего творческому или душевному самосовершенствованию, и способа компенсации проблем до расстройств зависимого поведения, приводящих к психосоциальной дезадаптации². Другими негативными последствиями влияния социальных медиа на пользователей могут выступать низкий потенциал жизненной самореализации, потребительское отношение к обществу, формирование негативных психологических установок у несовершеннолетних. Врач-психиатр Ю. В. Афанасьев утверждает, что в современном обществе дети подвержены опасности формирования зависимости уже с дошкольного возраста³.

Далее мы рассмотрим особенности деструктивных практик, совершаемых в социальных медиа. Выявление указанных особенностей необходимо для эффективной профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа. К таким особенностям, на наш взгляд, следует отнести следующие:

1. Простота деструктивного поведения. Большинство фактов деструктивного поведения в социальных медиа связано с переда-

¹ Козлова Н. С. Специфика лиц, проявляющих интерес к научно-популярным статьям по психологии в сети Интернет // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 12(47). – Новосибирск : СибАК, 2014. – С. 227–230.

² Менделевич В. Д. Особенности девиантного поведения в интернет-пространстве // Практическая медицина. – 2013. – № 1 (66). – С. 144.

³ Афанасьев. Ю. В. На 85% все заболевания имеют психическую основу // URL: <http://www.cherinfo.ru/news/73855> (дата обращения: 06 сентября 2022 г.).

чей информации. Для совершения подобных действий не надо обладать специальными знаниями, достаточно иметь базовые навыки работы в сети Интернет. Данная особенность делает деструктивное поведение в социальных медиа доступным даже для несовершеннолетних.

2. Трансграничный характер преступлений. Отсутствие географических границ в социальных медиа снимает препятствия, связанные с расстоянием, для передачи информации. В таких условиях субъект деструктивного поведения и потенциальная жертва могут находиться под юрисдикцией разных государств, правовые нормы которых нередко имеют принципиальные различия.

3. Виртуальный характер деструктивного поведения. Такое поведение реализуется в особой виртуальной среде – киберпространстве, что делает малоэффективной или порой невозможной их профилактику и предотвращение такими традиционными мерами.

Особо стоит отметить, что определенное влияние на развитие деструктивного поведения в социальных медиа оказывают сами жертвы подобного поведения.

Во-первых, взрослые пользователи предпочитают не сообщать о действиях противоправного характера в социальных медиа. По результатам проведенного нами опроса, 63% пользователей старше 18 лет при обнаружении контента деструктивного характера в социальных медиа ничего не предприняли, 29,5% сообщили администрации социальных медиа, 7% сообщили общественной организации, занимающейся вопросами выявления и блокирования противоправного контента в социальных медиа, и лишь 0,5% сообщили в правоохранительные органы.

Причины этого различны: пользователи считают наступившие последствия незначительными, процесс разбирательства длительным и невыгодным с точки зрения затраченного на это времени, правоохранительные органы недостаточно квалифицированными для рассмотрения подобного рода проявлений. Что же касается несовершеннолетних пользователей, то, по результатам

опроса, 78% из них при обнаружении противоправного контента ничего не предприняли, 18% сообщили администрации социальных медиа или в правоохранительные органы. Всего лишь 4% подростков сообщили родителям. Несовершеннолетние жертвы деструктивных практик в социальных медиа боятся обращаться за помощью к взрослым, так как опасаются дополнительного наказания – лишения возможности пользоваться компьютером или мобильным телефоном, что для многих родителей представляется логическим выходом из подобной ситуации. В то же время большинство несовершеннолетних участников опроса (63%) признались, что хотели бы больше разговаривать с родителями о проявлениях в их отношении деструктивных практик (как реальных, так и потенциальных). Оказывается, несмотря на все попытки защитить свою приватность, многие дети смогут чувствовать себя спокойнее, если взрослые объяснят, какие сайты и приложения заслуживают доверия (64%), и даже оградят их от небезопасных ресурсов (58%). Страх потерять доступ к социальным медиа заставляет несовершеннолетних жертв скрывать свою проблему от взрослых.

Во-вторых, многие пользователи не обладают глубокими знаниями для обеспечения безопасности своих идентификационных данных: устанавливают «легкие» пароли для доступа к своим страницам в социальных медиа, не используют антивирусное программное обеспечение, сообщают пароль и логин третьим лицам и т. д. Указанные обстоятельства облегчают совершение неправомерного доступа к страницам таких пользователей. Кроме того, зачастую злоумышленники, получив доступ к чужой странице социального медиа, используют ее для совершения других противоправных деяний от имени жертвы.

В-третьих, пользователи социальных медиа проявляют неосмотрительность и излишнюю доверчивость к преступникам. В результате опроса установлено, что 68% несовершеннолетних пользователей добавляют в друзья незнакомых людей, причем 15% делают это более одного раза в месяц. Для 62% несовершен-

нолетних пользователей одной из целей использования социальных медиа является общение, в том числе и с «друзьями», с которыми в реальной жизни они не знакомы. В процессе такого общения злоумышленники узнают информацию, облегчающую совершение в отношении несовершеннолетних деструктивных практик. Особую тревогу вызывает тот факт, что 11% несовершеннолетних пользователей общаются (общались когда-либо) в социальных сетях на сексуальные темы с незнакомыми людьми.

Указанные обстоятельства, безусловно, влияют на виктимность пользователя и привлекают в социальные медиа лиц с деструктивной направленностью. Причина сложившейся ситуации заключается, на наш взгляд, в низком уровне киберграмотности большинства пользователей и восприятии ими киберпространства социальных медиа как безопасного. По результатам исследования, проводившегося в начале 2022 года, в среднем по стране индекс цифровой грамотности составил 58 пунктов по шкале от 0 до 100. Проведенный нами опрос показал, что 63% пользователей считают использование социальных медиа безопасным и не способным нанести им какой-либо ущерб (экономический, психологический, физический и т. д.).

Нельзя отрицать и тот факт, что проявление деструктивного поведения в социальных медиа необходимо рассматривать не как единичный факт, а как массовое явление. Несмотря на то, что официальный учет таких проявлений, совершаемых в социальных медиа, не ведется, эксперты отмечают их постоянный рост.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, социальные медиа представляют собой новое образование, в котором реализуются общественные отношения, часть которых носит деструктивный характер.

Наличие большого количества деструктивных практик, реализуемых в социальных медиа, свидетельствует об отсутствии у компетентных органов научно обоснованных методик профилактики подобных проявлений.

Во-вторых, в социальных медиа сформировались условия, способствующие концентрации в них лиц с деструктивной направленностью и облегчающие их общение. Кроме того, эти условия способствуют распространению информации, направленной на поддержку, формирование и управление деструктивным поведением, в том числе среди несовершеннолетних.

В-третьих, изучение деструктивных практик, совершаемых в социальных медиа, показывает, что они обладают рядом отличительных особенностей, исследование которых необходимо в целях разработки эффективных мер профилактики общественно-опасных проявлений в социальных медиа.

В-четвертых, сетевая активность наряду с другими факторами влечет виктимизацию пользователей социальных медиа. Особенно актуальна эта проблема для несовершеннолетних пользователей. В большинстве случаев они не предпринимают попытки противодействовать деструктивному информационному влиянию. Основной причиной этого является страх несовершеннолетних пользователей потерять доступ к социальным медиа.

В-пятых, исследование показало, что в социальных медиа присутствуют объекты, в отношении которых возможны деструктивные посягательства повышенной общественной опасности, а именно – несовершеннолетние пользователи, «чье медиапотребление принято во всем мире контролировать с точки зрения информационной безопасности»¹.

1.2. Типология правонарушений и деструктивных угроз социальных медиа и их воздействие на несовершеннолетних

Далее нами будет проведено обобщенное систематизированное описание представленных в социальных медиа деструк-

¹ Фатеева И. А. Характер рисков, подстерегающих несовершеннолетних в социальных сетях, и способы их предотвращения // Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований : материалы международной научно-практической конференции. – Минск, 2014. – С. 151.

тивных практик с целью определения типичных способов их совершения и выявления некоторых особенностей.

Опираясь на сложившиеся в науке подходы к изучению конкретных проявлений деструктивного поведения, далее попытаемся подробно рассмотреть следующие аспекты:

- конкретизация видов деструктивных практик с учетом сопутствующих им обстоятельств, построение их типологии;
- определение особенностей таких преступлений;
- выявление условий, облегчающих и способствующих проявлению деструктивного поведения в социальных медиа и повышающих виктимность потенциальной жертвы.

Решение поставленных задач позволит обеспечить поиск конкретных эффективных правовых и организационно-тактических средств педагогической профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа, выявить способы снижения их негативных социальных последствий. Детальный анализ деструктивных практик, имеющих место быть в социальных медиа, даст также возможность лучше уяснить суть как отдельных деструктивных проявлений, так и их совокупности, конкретизировать понятие деструктивного поведения в социальных медиа, наполнить его реальным содержанием.

Стоит обратить внимание на то, что, несмотря на наличие весомых оснований для детального изучения деструктивного поведения в социальных медиа, в научной среде до сих пор нет единства мнений относительно понятия такого поведения. В криминологической литературе можно встретить термины «киберпреступность», «компьютерная преступность», «сетевая компьютерная преступность», «преступления в сфере высоких технологий», описывающие наиболее крайние проявления деструктивного поведения и подразумевающие в основном одни и те же преступления. Что касается отечественного уголовного законодательства, для обозначения рассматриваемых преступлений предусмотрен такой квалифицирующий признак, как «совершенное с помощью

информационной телекоммуникационной сети». В психолого-педагогической литературе деструктивное поведение некоторыми авторами именуется как агрессивное или аутоагрессивное.

Говоря о проявлениях деструктивного поведения в социальных медиа, крайне важно отметить их отличительную особенность – особую среду совершения. В научной литературе такая среда наиболее часто обозначается как «виртуальное пространство»¹ и «киберпространство»². Выше мы отметили, что сетевая среда социальных медиа является лишь частью киберпространства. Вследствие этого при описании деструктивного поведения в социальных медиа следует учитывать, что они совершаются лишь в части киберпространства, образуемой сетевой средой социальных медиа.

Таким образом, указанные особенности позволяют четко определить совокупность рассматриваемых проявлений деструктивного поведения, а также рассматривать их как новый вид общественно опасных деяний, объединенных по единому критерию – особой среде их совершения, в качестве которой выступают социальные медиа.

Самым крайним проявлением деструктивного поведения безусловно является совершение преступления. Преступления, совершаемые в социальных медиа, являются частью киберпреступности. Поэтому на основе анализа существующих типологий и классификаций киберпреступности мы предложим типологию преступлений, совершаемых в социальных сетях.

Согласно классификации, разработанной Организацией Объединенных Наций, киберпреступность подразделяется на компьютерные преступления и преступления, совершаемые с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и иных устройств доступа к киберпространству. В данном контек-

¹ Воронцова С. В. Киберпреступность: проблемы квалификации преступных деяний // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 14.

² Чекунов И. Г. Киберпреступность: понятие и классификация // Российский следователь. – 2012. – № 2. – С. 43–44.

сте компьютерные преступления – это преступления, основным объектом посягательства которых является конфиденциальность, целостность, доступность и безопасное функционирование компьютерных данных и систем. Остальные киберпреступления помимо компьютерных систем посягают на другие объекты (в качестве основных): безопасность общества и человека (кибертерроризм), имущество и имущественные права (кражи, мошенничества, совершенные посредством компьютерных систем или в киберпространстве), авторские права (плагиат и «пиратство»)¹.

В научной литературе встречаются и другие примеры классификации киберпреступлений, основанные на разнообразных признаках. Так, например, Т. Л. Тропина предлагает классифицировать киберпреступления по объекту посягательства следующим образом:

- насильственные или иные потенциально опасные киберпреступления, посягающие на физическую безопасность, жизнь и здоровье человека;
- преступления, посягающие на конфиденциальность информации;
- деструктивные киберпреступления, заключающиеся в повреждении данных и посягающие на целостность данных и безопасность функционирования компьютерных систем;
- преступления, посягающие на имущество, имущественные права, а также на право собственности на информацию и авторские права;
- преступления, посягающие на общественную нравственность;
- преступления, посягающие на общественную безопасность;
- иные киберпреступления².

¹ Повышев В. Борьба с киберпреступностью и кибертерроризмом // URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=4149&print=1&more=1> (дата обращения: 28 марта 2022 г.).

² Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы. – Владивосток, 2007. – С. 3–17.

Еще одним примером типологии является подразделение киберпреступлений на:

- 1) сетевую атаку и повреждение компьютерной системы;
- 2) сетевое мошенничество;
- 3) хищение денежных средств из финансовых учреждений путем несанкционированного доступа к компьютерным системам;
- 4) азартные игры в онлайн-среде и реклама услуг сексуального характера в интернете;
- 5) посягательства на авторские и смежные права, преступления против интеллектуальной собственности;
- 6) хищение информации, составляющей государственную тайну – угроза государственной безопасности;
- 7) распространение информации;
- 8) посягательство на частную жизнь гражданина¹.

Оригинальную классификацию, основанную на цели, преследуемой субъектом, способе совершения противоправного деяния и преступного воздействия на информационные процессы в сетях и объекте противоправного воздействия, предлагает А. Л. Осипенко.

Он разделяет киберпреступления на четыре основных типа:

1. Несанкционированное проникновение в компьютерную систему, имеющую подключение к глобальной компьютерной сети.
2. Нарушение нормального функционирования сетевой компьютерной системы.
3. Несанкционированное внесение изменений в компьютерные данные (манипулирование данными) с корыстными целями.
4. Размещение в глобальных компьютерных сетях материалов противоправного характера.

Наиболее часто в специальной литературе при рассмотрении киберпреступлений используется классификация, представленная в Конвенции по борьбе с киберпреступлениями.

¹ Хуэй Шэнь Ву, Фань Ин. Компьютерная преступность и правовое обеспечение информационной безопасности // URL: <http://www.crime-research.ru/articles/crimes2009> (дата обращения: 28 февраля 2022 г.).

В ней выделены 4 основные группы киберпреступлений:

- преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем;
- преступления, связанные с компьютерами (согласно Конвенции к ним относятся "подлог" и "мошенничество с использованием компьютерных технологий");
- преступления, связанные с содержанием данных (производство (с целью распространения через компьютерную систему), предложение и (или) предоставление в пользование, распространение и приобретение, а также владение детской порнографией, находящейся в памяти компьютера);
- преступления, связанные с нарушениями авторского права и смежных прав.

Анализ рассмотренных классификаций показал, что в большинстве из них отсутствует единый базовый критерий, чётко разграничивающий категории преступлений. Кроме того, часто к киберпреступлениям относят деяния, которые таковыми по уголовному закону не являются. В подобных случаях можно говорить лишь о негативном социальном поведении в информационных телекоммуникационных сетях, и в социальных сетях в частности. Однако подобное поведение способно привести к последствиям, сопоставимым с преступными, и возможно, что законодатель в скором времени криминализирует подобные деяния. Поэтому для выработки эффективных мер предупреждения и снижения степени общественной опасности, на наш взгляд, подобные деяния следует включать в типологию криминальных угроз.

Стоит отметить, что в рамках данной работы уголовно-правовой анализ отдельных видов преступлений, совершаемых в социальных медиа, с позиции совокупности его элементов (субъекта, объекта, субъективной стороны, объективной стороны) представляется малоэффективным. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, будет являться анализ механизма деструктивного

поведения. При таком подходе преступление рассматривается, во-первых, в контексте одновременно условий внешней для человека среды и характеристик самого человека; во-вторых, не как одномоментный акт, а как определенный процесс, протекающий в пространстве и времени.

Учитывая новизну для юридической науки и изменчивость криминальных явлений как в информационных телекоммуникационных сетях, так и в социальных медиа в частности, соответствующую систематизацию, на наш взгляд, предпочтительно выполнить в виде типологии, которая предполагает группировку сходных объектов с учетом закономерностей их проявления. При этом именно типология, в отличие от классификации, «не требует вычленения всех без исключения типов, составляющих части познаваемого объекта. Самым же важным отличием классификации от типологии является то, что первая дает описание изучаемого объекта, а вторая (наряду с другими методами) – его объяснение, т. е. позволяет успешнее вскрыть его природу, причины, закономерности зарождения и развития, составить прогноз»¹.

С целью определений структуры преступности социальных медиа нами было изучено содержание 315 обвинительных приговоров судов первой инстанции, вынесенных в период с 2011 по 2017 г., размещенных на интернет-сайте rospravosudie.com. В анализируемых обвинительных приговорах получила отражение квалификация 343 преступлений, совершенных с использованием социальных сетей. Поиск обвинительных приговоров осуществлялся на основе упоминаний названий социальных медиа в текстах приговоров, а при отсутствии таких названий – описания совершения преступления при помощи социальной медиа. Подчеркнем, что описание в одном приговоре совершения нескольких одинаковых преступлений не бралось в расчет при определении совокупности (например, описание в приговоре трех

¹ Антонян Ю. М. Криминология : избранные лекции. – Москва, 2004. – С. 91.

фактов распространения порнографических материалов считалось за одно преступление, в то время как описание факта контрабанды и факта сбыта наркотических средств считалось за два преступления).

Отметим, что сложность поиска приговоров по рассматриваемой категории преступлений заключается в том, что различные суды по-разному обозначают в приговорах факт совершения преступления в социальных медиа. Так, некоторые суды ограничиваются указанием в приговоре на то, что преступление было совершено в интернет-сети, сети Интернет или информационно-телекоммуникационной сети. Такие приговоры нами анализировались, и если устанавливался факт совершения преступления в социальных медиа, то такие судебные решения включались в исследование.

Полученные в ходе анализа обвинительных приговоров данные были сопоставлены с результатами описанных выше подходов к классификации киберпреступлений, что позволило предложить нам следующую типологию деструктивных (криминальных) угроз в социальных медиа, основу которой составили информационные процессы (доступ к информации и ее оборот):

Преступления, связанные с неправомерным доступом, модификацией, блокированием и уничтожением информации социальных сетей. Доля таких преступлений от общего количества преступлений, совершенных в социальных сетях составила 13,3%

Преступления, связанные с оборотом информации в корыстных целях. Их доля 43,2% от общего количества преступлений, совершенных в социальных сетях.

Преступления, связанные с оборотом в сетях противоправной информации. Их доля составила 39,6%.

Преступления, связанные с противоправным оборотом информации – 3,9%.

В первую группу входят преступления, связанные с противоправным умышленным копированием, изменением (созданием), удалением или блокированием контента социальной сети, доступ к которому ограничен правообладателем этого контента.

Добавим, что под контентом социальной сети следует понимать элементы дизайна, текст (в том числе и персональные данные), графические изображения, видео, программы, музыку, звуки и другое. Весь контент является объектом исключительных прав лиц, самостоятельно создавших информацию либо получивших на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации. Такое право возникает во время регистрации на сайте социальных медиа, когда пользователь соглашается с правилами сайта. Владелец информации вправе, и инструментарий социальной медиа это позволяет, разрешать или ограничивать доступ к информации, определять порядок и условия такого доступа. Владелец контента должен принимать специальные технические меры к охране конфиденциальности информации, затрудняющие доступ третьих лиц к ней в компьютерной системе. В противном случае нельзя считать несанкционированным доступом действия, разрешенные ее владельцем, такие, например, как копирование данных, открытых владельцем для общего пользования, и т. п.

Скрытая информация, то есть недоступная для ознакомления, в том числе и сообщения между пользователями, являются предметом неправомерного доступа. Противоправный умышленный доступ к контенту связан с нарушением защиты данной сети либо с использованием учетной записи (пароля и логина) для доступа без согласия пользователя. В литературе для обозначения процессов, связанных с нарушением защиты, чаще всего используется термин «взлом», «несанкционированное вторжение», а специалисты по информационной безопасности используют термин «хакинг». Таким образом, суть неправомерного доступа заключается в нарушении конфиденциальности, доступности и целостности контента социальной сети, в отношении которого правообладателем установлен специальный технический режим защиты.

Анализ приговоров уголовных дел по преступлениям, совершаемым в социальных медиа, показывает, что всего лишь 8%

из них связаны с неправомерным доступом. В то же время опрос пользователей социальных сетей показал, что 80 % из них сталкивались с фактами неправомерного доступа непосредственно к их учетной записи либо к учетной записи их знакомых, 42% из них – несовершеннолетние пользователи. Таким образом, уровень латентности таких преступлений очень высок, по нашим оценкам он составляет, 95%.

Обусловлено это рядом причин. Во-первых, обнаружить факт неправомерного доступа и копирования информации пользователю практически невозможно. В случае же наступления общественно опасных последствий в виде модификации или удаления информации пользователи меняют учетные данные для предотвращения возможного повторного неправомерного доступа. В случае блокировки доступа к социальной сети пользователи при помощи администрации сайта восстанавливают доступ или же создают новые страницы. Во-вторых, в правоохранительные органы пострадавшие предпочитают не обращаться, так как считают процесс разбирательства долгим и несоразмерным наступившим последствиям. Правоохранительным органам, в свою очередь, трудно обнаружить факты неправомерного доступа в связи с отсутствием в большинстве случаев явных признаков преступлений такого вида.

Кроме того, одной из причин масштаба рассматриваемого вида преступлений является относительно низкая цена на услуги «хакеров» по «взлому» аккаунтов социальных медиа. Так, по данным компании RSA Security стоимость хищения данных аккаунта в популярных социальных медиа с количеством подписчиков более 500 оценивается в 7,5 долларов. Взлом аккаунта с меньшим числом подписчиков стоит примерно 5 долларов¹.

Кроме того, можно предположить, что большое количество фактов неправомерного доступа к социальным медиа связано с

¹ В RRC рассказали о расценках киберпреступников // URL: <http://www.computerworld.ru/news/> (дата обращения: 26 апреля 2022 г.).

низкой киберграмотностью и халатностью пользователей по отношению к защите персональной информации. Для подтверждения данного тезиса был проведен анализ способов неправомерного доступа к социальным медиа, что позволило разделить их (способы) на три группы.

К первой группе относятся способы, при которых пользователь социальной сети, будучи введенным в заблуждение, сам отправляет логин и пароль злоумышленникам. Данные способы в специальной литературе получили название «фишинг» (от англ. fishing - рыбалка), они отличаются творческим подходом и изобретательностью злоумышленников, зачастую не требуют специальных знаний в области IT-технологий и программирования.

Во вторую группу нами включены способы, основанные на использовании специальных программных средств, которые способны, например, запоминать нажатые пользователем клавиши или же копировать учетные данные из операционной системы. Вся полученная таким образом информация без согласия пользователя пересылается злоумышленнику. Самым распространенным способом установки подобных программных средства на компьютер или телефон жертвы является их прикрепление к файлу (фотографии, текстовому документу), приложению или игре. При этом пользователь, не обладающий специальными знаниями в области IT-технологий или программирования, обнаружить прикрепленное программное средство зачастую не может. Далее при открытии файла или запуске приложения программное средство активизируется и начинает сбор данных, после чего отправляет их взломщику.

Третью группу составляют способы, связанные с подбором паролей. Этот способ используется, когда известен логин, в качестве которого большинство пользователей используют адрес своей электронной почты. Очень часто пользователи создают простые пароли: дату рождения или же легко запоминающееся сочетание цифр или букв. Компания SplashData, занимающаяся раз-

работкой приложений для защиты данных, опубликовала список самых распространенных паролей. Возглавляют список пароли в виде последовательности цифр «123456», «12345678», «12345», английское слово password, которое обозначает «пароль» и последовательное сочетание первых пяти букв верхнего ряда клавиатуры – qwerty¹. Это позволяет подобрать пароль вручную либо же использовать программные средства по подбору паролей, в базе которых содержатся наиболее распространенные пароли. Кроме того, известны случаи, когда злоумышленники восстанавливали пароль жертвы, отвечая на так называемый секретный вопрос. Ответ злоумышленники получали в процессе беседы с жертвой.

Всё это, безусловно, свидетельствует о том, что при должной осмотрительности и внимательности со стороны пользователей в большинстве случаев факта неправомерного доступа можно было бы избежать.

Еще одной особенностью рассматриваемой категории преступлений является их сопряженность с иными преступлениями. В большинстве случаев неправомерный доступ к аккаунту социальной сети связан с нарушением неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), нарушением тайны переписки (ст. 138 УК РФ). Учитывая тот факт, что в социальных медиа представлены не только граждане, но и коммерческие структуры и органы государственной власти, вполне возможно, что неправомерный доступ может быть сопряжен с незаконным получением и разглашением сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ) и т. д. Кроме того, неправомерный доступ к социальным медиа зачастую осуществляется с целью дальнейшего совершения противоправных действий от имени жертвы.

Опрос пользователей социальных медиа показал, что наиболее распространенным является использование страницы жертвы для рассылки сообщений «друзьям» с просьбой перечислить де-

¹ Названы худшие пароли 2015 года // URL: <http://rg.ru/2016/01/19/paroli-site.html> (дата обращения: 26 апреля 2022 г.).

нежные средства и гарантией их возврата. О попытках такого мошенничества сообщили 73% – респондентов, 26% из которых – несовершеннолетние. Стоит отметить, что на практике встречаются случаи совершения и иных преступлений от имени жертвы противоправного доступа. Так, гражданин Б. осуществил неправомерный доступ к личной странице В. Н. «ВКонтакте», удалил её личную переписку, что повлекло уничтожение защищаемой законом информации, а также заменил главную фотографию на фотографию другого лица, имеющую порнографическое содержание, что повлекло модификацию защищаемой законом информации. Кроме того, фотографию, имеющую порнографическое содержание, гражданин Б. умышленно представил для свободного просмотра неограниченного количества пользователей сети Интернет. Данные действия были квалифицированы судом по ст. 242 УК РФ и ч. 1 ст. 272 УК РФ¹.

В ходе проведенного анализа приговоров по уголовным делам, связанным с неправомерным доступом к контенту социальных медиа, установлено, что к ответственности привлекались лица, совершившие указанное преступление с компьютера жертвы (17%), с помощью подбора или восстановления пароля (63%). Также стоит отметить, что 89% лиц, привлеченных к уголовной ответственности за неправомерный доступ к контенту социальной сети, были знакомы с жертвой. Это позволяет сделать вывод о том, что подавляющая часть «взломов» осуществляется лицами, обладающими специальными знаниями для осуществления неправомерного доступа к социальным меди. Как правило, они получают данные для доступа к социальной сети с целью их продажи либо для совершения иных противоправных деяний. Так, например, 14 августа 2014 года неизвестные злоумышленники совершили несанкционированный доступ к Twitter российского премьер-

¹ Из приговора Ленинского районного суда г. Пензы // URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-penzy-penzenskaya-oblast-s/act-101646030/> (дата обращения: 15 января 2022 г.).

министра Д. А. Медведева и разместили в нем провакационные записи от его имени, в том числе об уходе в отставку. Ответственность за это взяла группа анонимных хакеров «Шалтай Болтай», известная тем, что опубликовала в конце 2013 года текст новогоднего поздравления В. В. Путина, а летом 2014 года – электронную переписку вице-преьера А. В. Дворковича. В большинстве случаев подбные деяния совершаются с целью саморекламы. Лица, их совершающие, обладают глубокими знаниями в области сетевой конспирации, вследствие чего к уголовной ответственности привлекаются крайне редко.

Таким образом, к первому типу нами отнесены преступления, в которых умысел виновного обращен в основном на нарушение исключительного права использования контента социальной сети. Неправомерный доступ может совершаться как дистанционно, так и при непосредственном контакте с компьютером жертвы, способы совершения подобных преступлений весьма разнообразны и постоянно совершенствуются. Кроме того, сравнение стоимости услуг по взлому учетных записей пользователей социальных медиа с возможными наказаниями за нарушения законодательства в области персональных данных, частной и личной жизни позволяет сделать вывод о том, что законодательство в указанной области не может «удержать» лиц с потенциальной возможностью от нарушения закона.

К корыстным относится большое количество составов преступлений, отраженных в различных главах УК РФ. Однако «виртуальность» делает невозможным завершение корыстных насильственных преступлений непосредственно в социальных медиа. В то же время социальные медиа могут использоваться на стадии подготовки как насильственных, так и ненасильственных корыстных преступлений. Среди преступлений, совершаемых в социальных медиа, доля корыстных составляет 43,2%.

Социальные медиа способствуют распространению информации, которая может породить умысел на совершение корыст-

ного преступления, а также собираться целенаправленно для подготовки к таким преступлениям. Кроме того, в социальных медиа очень часто содержится информация о материальном достатке граждан (фотографии дорогой техники, сообщения о намерении приобрести что-то дорогостоящее и т. п.). Исследования показывают, что 67% несовершеннолетних пользователей размещают подобную информацию, иногда даже преувеличивая семейный материальный достаток. Таким образом они пытаются соответствовать активно культивируемым в масс-медиа, и в социальных медиа в частности, идеалам «гламура»¹. Ознакомление с такого рода информацией может породить у злоумышленников умысел на хищение имущества. В ходе анализа приговоров уголовных дел установлено, что в 17% дел по корыстным преступлениям социальные медиа использовались лишь на стадии подготовки.

Наиболее распространенным корыстным преступлением, совершаемым в социальных медиа, является мошенничество (39% от общего количества корыстных преступлений, совершаемых в социальных медиа) и распространение наркотических средств и их прекурсоров (44%).

Способы мошенничества весьма разнообразны, постоянно совершенствуются, возникают новые. Каждую секунду порядка десяти человек становятся жертвами какого-либо мошенничества в сети Интернет².

Анализ мошеннических преступлений в социальных медиа позволил нам выделить наиболее типичные способы их совершения.

В последнее время большую популярность получили интернет-магазины, позволяющие покупать разнообразные товары, не посещая магазин и экономя время и деньги. В России доля ин-

¹ Антонян Ю. М., Тимошина Е. М. Причины преступности в России / ФГКУ «ВНИИ МВД России». – СПб. : Нестор-История, 2013. – С. 248.

² Бочаров Ю. Киберпреступность и кибертерроризм. Новая глобальная угроза государственному строю // URL: <http://www.elections-ices.org/russian/publications/textid:12835> (дата обращения: 28 января 2022 г.).

тернет-торговли ежегодно растет¹. Одной из площадок для интернет-торговли являются социальные медиа. Они позволяют создать страницу с объявлением о продаже какого-либо товара или товаров. Этим и пользуются злоумышленники, создавая подобные страницы в социальных медиа и заранее имея умысел на мошеннические действия. Так, гражданин П., имея умысел на совершение мошеннических действий в отношении неопределенного круга лиц, направленных на хищение чужого имущества путем обмана, создал страницу в социальной сети в «ВКонтакте» от вымышленного имени «Дарья Терешкова», где разместил объявления о продаже мужской и женской одежды и фотоизображения реализуемых вещей, найденные им в сети Интернет. По факту никакой одежды для реализации у гражданина П. не было и продавать ее он не намеревался. В результате совершения мошеннических действий трем потерпевшим был причинен значительный материальный ущерб². Доля таких преступлений составляет 59% от всех приговоров по уголовным делам о мошенничестве в социальных медиа.

Еще одним способом совершения мошеннических действий является копирование информации благотворительного фонда на созданную злоумышленником страницу социальной сети, исключение составляют реквизиты счетов, на которые перечисляются благотворительные взносы. Таким образом, пользователь, желающий перечислить благотворительный взнос, будучи обманутым, отправляет денежные средства на счет злоумышленника. Нами было обнаружено 10 приговоров по уголовным делам в отношении лиц, использующих подобный механизм мошенничества (17% от всех приговоров по уголовным делам о мошенничестве в социальной сети). Такого рода мошеннические действия обладают высокой латентностью, поскольку пользователь не знает о причинённом ему ущербе и в правоохранительные органы не обращается.

¹ Интернет-торговля вытесняет традиционные магазины // URL: <http://rg.ru/2015/02/03/torgovlya.html> (дата обращения: 15 мая 2022 г.).

² Из приговора Карачевского районного суда Брянской области // URL: <https://rospravosudie.com/court-karachevskij-rajonnyj-sud-bryanskaya-oblast-s/act-470002383/> (дата обращения: 8 февраля 2022 г.).

Нередко мошенники совершают неправомерный доступ к социальным медиа и от имени жертвы совершают мошеннические действия, суть которых заключается в рассылке сообщений от имени пострадавшего с просьбой перевести деньги в долг на счет мобильного номера телефона либо на счет карты. Нами не обнаружено ни одного приговора по таким преступлениям. Однако в ходе проведенного опроса установлено, что 80% пользователей социальных медиа сталкивались с таким видом мошенничества. Жертвы таких преступлений в большинстве случаев не обращаются в правоохранительные органы по причине незначительности причинённого им ущерба. В то же время, осуществляя массовую рассылку подобных сообщений, мошенники могут похитить значительную сумму.

Общая доля преступлений, связанных с незаконными операциями в социальных медиа с наркотическими веществами и их прекурсорами – 31,1% от общего количества преступлений, совершенных в социальных медиа. В ходе анализа приговоров уголовных дел по таким преступлениям установлено, что 46% из них связано с приобретением, а 54% – со сбытом запрещенных веществ.

Основными способами осуществления незаконных операций по приобретению или сбыту наркотических средств и их прекурсоров являются «закладки»¹ (54% от всех приговоров, связанных с незаконными операциями с наркотическими веществами и их прекурсорами), а также заранее обговоренные личные встречи между продавцом и покупателем (41%). Кроме указанных способов, незаконные операции с наркотиками осуществляются посредством почтовых отправлений, путем передачи посылки через водителей общественного транспорта, не осведомленных о ее содержимом.

Среди веществ, являющихся предметом незаконных действий с наркотическими средствами и их прекурсорами, наибольшую часть составляют новые потенциально опасные психоактивные вещества (40% от числа приговоров, связанных с незаконными операциями с наркотическими веществами и их прекурсорами), амфетамин и его производные (19%), марихуа-

¹ Оплата покупателем наркотического средства при помощи электронных платежных систем с последующим сообщением ему места, где расположен тайник с приобретенным наркотическим средством.

на (15%), гашиш и гашишное масло, героин, наркотические средства эфедриновой группы (по 6,5%). Оставшиеся 6,5% приходятся на различные синтетические стимуляторы.

Особое внимание следует обратить на формирование в социальных медиа различного рода сообществ наркопотребителей, которые укрепляют свои внутренние связи за счет противопоставления себя враждебному окружению. Они указывают на принципиальное сходство алкоголизации и наркотизации как форм девиантного поведения и на этом основании ставят на обсуждение вопрос о «смягчении» социальной нормы трезвости или даже о «легализации» наркотиков. Кроме того, в таких сообществах осуществляется взаимный поиск продавцов и покупателей наркотических средств. Ситуацию усугубляет тот факт, что 40% несовершеннолетних пользователей в ходе проводимого опроса сообщили об ознакомлении с информацией, пропагандирующей употребление наркотиков, описывающей способы изготовления и рецепты наркотиков, а также объявлениями о продаже наркотиков.

Возможность безналичного перевода денежных средств с помощью различных электронных систем (Яндекс.Деньги, Киви-кошелек и т. п.) облегчает совершение мошенничества и незаконных операций с наркотическими веществами. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов отмечают, что данное обстоятельство существенно затрудняет возможность выявления наркопреступлений, не позволяет проследить связь между поставщиком и потребителем наркотиков. Криминальную сделку могут совершить лица, которые лично не знакомы и не обладают информацией друг о друге, находятся не только в разных регионах, но и в разных государствах, где действует различное законодательство¹.

В совокупности с тем фактом, что пользователи не осведомлены о возможных криминальных угрозах в социальных медиа, зачастую жертвы не осознают факт совершения в отношении них мошеннических действий. Кроме того, простота совершения мо-

¹ Никулин И. В. О практике противодействия незаконному обороту и пропаганде наркотических средств и иных психотропных веществ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2013. – № 2 (13). – С. 46–50.

шенничества с помощью социальных медиа делает возможным их совершение даже для несовершеннолетних.

Функциональные особенности социальных медиа способствуют распространению в них противоправной информации. К такого рода информации относится контент порнографического и экстремистского характера, пропагандирующий употребление наркотических и психотропных веществ и их прекурсоров, порочащий честь и достоинство лица или подрывающий его репутацию. Кроме того, даже не будучи преступной в уголовно-правовом смысле, некоторая информация в местах сетевого общения может наносить явный ущерб социальным ценностям, нарушать общественный порядок.

К числу наиболее распространенных преступлений, связанных с размещением в социальных медиа противоправной информации, специалисты причисляют распространение порнографических материалов (ст. 242 УК РФ) и распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ) – 10,5% от общего числа всех приговоров по уголовным делам о преступлениях, совершенных в социальных медиа.

Удешевление цифровых фото- и видеокамер, компьютеров, сканеров, другой аппаратуры и средств связи наряду со стремительным ростом числа пользователей социальных медиа создает дополнительные возможности для широкого распространения порнографии, в том числе и с изображением несовершеннолетних. О масштабах распространения порнографических материалов говорит тот факт, что с помощью функции «поиск» в «ВКонтакте» лишь по запросу «порно» было обнаружено более 50 000 сообществ. Контент-анализ сообществ показал наличие в подавляющем большинстве из них видеофайлов и изображений порнографического характера. Количество участников наиболее популярных сообществ от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч, часть которых (от 10 до 35%)

несовершеннолетние. Особую тревогу данный факт вызывает в связи с тем, что свободный доступ к порнографическим материалам в социальных медиа обуславливает девиантность поведения несовершеннолетних, препятствует нормальному умственному развитию и способен оказывать деструктивное воздействие на неустойчивую психику подростков¹.

Кроме того, анонимность социальных медиа существенно облегчает для педофилов обмен идеями, фантазиями и советами, информацией о способах ухода от ответственности после совершения противоправных действий. Кроме того, социальные медиа предоставляют им и уникальные условия для поиска жертв, позволяя сколь угодно долго и анонимно, не привлекая внимания окружающих, наблюдать за детьми, изучать подробности их жизни, интересы, особенности характера. Так, например, в Facebook обнаружены сообщества педофилов. В сообществах размещены порнографические и эротические снимки, в том числе с участием несовершеннолетних. Участники сообществ активно комментировали (с сексуальным подтекстом) такие изображения². Согласно статистике горячей линии федерального проекта «Безопасное детство», реализуемого некоммерческим партнёрством «Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещённого законодательством контента», 45% всех обращений связаны с неправомерными действиями сексуального характера в отношении несовершеннолетних в социальных медиа. Криминологические исследования свидетельствуют о том, что основной причиной совершения в отношении несовершеннолетних преступлений сексуального характера является их

¹ Лаврычева И. Г. Негативное влияние на психику подростков публичных демонстраций секса в масс-медиа // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения: 18 марта 2022 г.).

² Расследование Би-би-си: в Facebook есть группы педофилов // URL: [http://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160212_facebook_paedophiles_groups](http://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160212_facebook paedophiles groups) (дата обращения: 10 мая 2022 г.).

безнадзорность, допускаемая со стороны родителей¹. В случае с преступлениями сексуального характера в социальных медиа в отношении несовершеннолетних необходимо говорить об «интернет-безнадзорности», под которой, на наш взгляд, следует понимать отсутствие контроля за поведением несовершеннолетнего пользователя в сети Интернет вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц по его воспитанию, обучению и (или) содержанию. Так, по данным лаборатории Касперского, в 92% случаях подростки успешно скрывают потенциально опасные активности, например, просмотр не подходящего по возрасту контента или общение с опасными незнакомцами на сексуальные темы.

В современных условиях, когда рост экстремистских настроений и распространение ксенофобии могут угрожать общественной стабильности, беспрепятственное размещение контента экстремистского характера в социальных медиа вызывает особую тревогу среди многих специалистов и государственных деятелей².

Социальные медиа используются для организации незаконных уличных акций и открытой пропаганды вражды и ненависти³. Размещение подобного контента в социальных медиа может квалифицироваться как возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282 УК РФ), доля таких преступлений составляет 81% от всех приговоров по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера в социальных медиа),

¹ Магомедов А. А. Несовершеннолетние как жертвы инфантосексуализма // Криминальная виктимология: вчера, сегодня, завтра: // Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2012 г.). – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. – С. 163.

² Валеев А. Х. Расследование преступлений экстремисткой направленности, совершенных с использованием сети Интернет : методические рекомендации / А. Х. Валеев, А. Н. Данилко; под ред. Ф. Б. Мухаметшина. – Уфа : УЮИ МВД России, 2012. – С. 14.

³ В социальной медиа «ВКонтакте» нами были обнаружены сообщества «Анти-Москаль [UA]», «РОССИЯ БЕЗ КИТАЙЦЕВ», «Хамас и Исламский Джихад», «Тавхид и Джихад», в которых содержится информация экстремистского характера.

публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 280 УК РФ). Экстремистская информация представлена в форме видеофрагментов (51%), текста (31%), графических изображений (10%), аудиофайлов (8%).

Кроме того, специалисты отмечают, что современные экстремистские организации разбиты на незначительные по численности ячейки (от 5 до 7 чел.), которые связаны между собой и координируются через социальные медиа¹.

Необходимо отметить, что обнаружение некоторых сообщений экстремистского характера может быть затруднительно для правоохранительных органов в связи с тем, что содержащаяся там информация представлена на арабском языке. Кроме того, с целью конспирации злоумышленники могут использовать средства сокрытия IP-адреса, например, браузер «Тор».

Особую тревогу должен вызывать факт ознакомления с противоправным контентом несовершеннолетних. Степень подверженности угрозе их ознакомления с нежелательными материалами изменяется с их возрастом. В ходе проведенного нами исследования установлено, что в подгруппе 14–15-летних пользователей социальных медиа об ознакомлении с порнографическими материалами сообщают менее 50% подростков, тогда как среди 16–17-летних их доля возрастает до 80%. Угроза ознакомления с материалами экстремистского характера среди 14–15-летних подростков осознается лишь в 10% случаев, их доля увеличивается до 20% среди 16–17-летних. В криминологических исследованиях указывается на опасность распространения таких материалов в сетевой среде, поскольку они способны оказать негативное влияние на несовершеннолетних пользователей, сделать негативные и противоправные взгляды нормой жизни².

¹ Смагина А. В., Сопун Д. И. Причины распространения экстремизма в России // Российский следователь. – 2012. – № 8. – С. 33– 36.

² Прогноз криминогенной обстановки и противодействие преступности в Рязанской области : науч.-аналит. обзор с метод. рекомендациями / Д. Е. Некрасов, Э. Ю. Бадалянц, Я. Г. Ищук, О. Н. Чистотина, Г. С. Шкабин ; под общ. ред. Д. Н. Архипова. – Рязань : Рязан. фил. Моск. ун-та МВД России, 2013. – С. 38.

Кроме того, возможность анонимного общения, информационная неграмотность, доверчивость и отсутствие чувства страха у несовершеннолетних при виртуальном общении позволяют использовать социальные медиа для вовлечения подростков в производство порнографических материалов, в осуществление террористической деятельности и иные противоправные деяния. Так, например, летом 2013 года 45-летний житель Московской области познакомился в «ВКонтакте» с 15-летней школьницей. В процессе общения мужчина уговорил девочку сделать и прислать ему снимки порнографического характера. Затем, угрожая их опубликовать, мужчина заставил школьницу сделать еще больше интимных фотографий, которые позже разместил в открытом доступе¹.

В целях борьбы с распространением противоправной информации администрация социальных медиа самостоятельно или по решению суда блокирует доступ к запрещенному контенту, сообществам и страницам пользователей, содержащим противоправный контент. Однако функциональные возможности социальных медиа позволяют в короткие сроки и без финансовых затрат создать новое сообщество или страницу, наполнив их противоправным контентом.

Так, например, в соответствии с решением Колпинского районного суда города Санкт-Петербурга от 23.06.2014 сообщество SATAN POWER, размещенное в социальной сети «ВКонтакте» по электронному адресу <http://vk.com/satanpower>, включено в Федеральный список экстремистских материалов под № 2490, доступ к этому сообществу заблокирован². Однако, изменив электронный адрес³, сообщество было создано вновь под тем же

¹ Лютых С. Этот жестокий, опасный и безжалостный интернет // URL: <http://lenta.ru/articles/2015/03/01/shantaz/> (дата обращения: 20 марта 2022 г.)

² Федеральный список экстремистских материалов // URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=12 (дата обращения: 29 марта 2022 г.)

³ Сообщество SATAN POWER обнаружено по адресу <http://vk.com/satanspower> (дата обращения: 5 января 2022 г.)

названием. В информации о сообществе содержится запись «Делай, что желаешь – таков весь Закон! Мы перезапустили наш магазин Satan Power!..». Таким образом, возможность быстрого восстановления противоправного контента сводит эффективность его блокировки практически к нулю.

Кроме того, запрещенный контент распространяется в социальных медиа под разными именами, что затрудняет его поиски и блокировку доступа. В соответствии с решением Нагатинского суда г. Москвы от 01.10.2007 ряд текстов («Хрустальная ночь», «Просторы Европы», «Смерть врагам», «УО–УО – реп гнилье - УО» и др.) музыкальной группы «Циклон Б» включены в Федеральный список экстремистских материалов¹. Несмотря на это, указанные аудиозаписи были обнаружены нами в «ВКонтакте», но под другими именами: аудиозапись «Нам помогут боги» (включена в Федеральный список экстремистских материалов под названием «Смерть врагам»), аудиозаписи «Хрустальная ночь» и «Просторы Европы» (включены в Федеральный список экстремистских материалов под аналогичными названиями, но исполнителем указаны «Ц-Б» и «Неизвестен»).

Особенности социальных медиа приводят к тому, что в них совершаются такие действия, вероятность совершения которых в оффлайне намного ниже. В данном случае речь идет о совершении таких преступлений, как клевета (ст. 128.1 УК), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). Так, например, обвинительный приговор по ст.319 УК РФ вынесен гражданке К., которая в мае 2013 года из чувства личной неприязни к гражданке И., старшему помощнику Тихорецкого межрайонного прокурора, разместила в социальной сети «Одноклассники» оскорбительные выражения в её адрес, дав негативную оценку её

¹ Федеральный список экстремистских материалов // URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value= (дата обращения: 5 января 2022 г.).

личности, тем самым унизив её честь и достоинство¹. Доля приговоров по таким преступлениям мала: нами обнаружено лишь 4 факта привлечения лица к ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни и по 2 факта – за клевету и оскорбление представителя власти.

Как уже отмечалось, негативная информация, содержащаяся в социальных медиа, может наносить явный ущерб социальным ценностям и нарушать общественный порядок, даже не будучи преступной в уголовно-правовом смысле.

Информация с негативным смыслом способна:

а) вызывать ответную реакцию с резкой окраской насилия;
б) оскорблять тех, к кому обращена, или всех, кто с ней ознакомился;

в) разрушать социальные отношения в пределах сообщества².

Так, в последнее время получило распространение такое явление, как кибербуллинг, которое можно охарактеризовать как преследование с использованием информационных коммуникационных технологий, в большинстве случаев систематическое и(или) сочетающееся с реальными либо мнимыми угрозами, вызывающими у жертвы чувство опасности или тревоги. Важно отметить, что кибербуллинг может проявляться в действиях, способных привести к суициду несовершеннолетнего. Ситуацию усугубляет и тот факт, что, по данным Всемирной организации здравоохранения, российские подростки чаще других (исследование проводилось в 40 странах) подвергаются кибербуллингу³. Изначально специалистами было выделено 8 видов кибербуллинга: оскорбление (Flaming), домогательство (Harassment), клевета (Denigration), использование фиктивного имени для совершения

¹ Из приговора Тихорецкого городского суда Краснодарского края // URL: <https://rospravosudie.com/court-tixoreckij-gorodskoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-455229117/> (дата обращения: 15 января 2022 г.).

² Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – С. 198.

³ Россия занимает 1-е место в мире по жалобам детей на кибербуллинг // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2943084> (дата обращения: 10 марта 2022 г.).

неправомерных действий (Impersonation), публичное разглашение личной информации (Outing and Trickery), социальная изоляция (Exclusion), преследование (Cyberstalking) и открытая угроза физической расправы (Cyberthreats). Однако в последнее время появился и получил особую популярность среди несовершеннолетних такой вид кибербуллинга, как happyslapping («избиение для развлечения»), пришедший из западных стран. Для современных подростков агрессия, демонстрируемая в средствах массовой информации и сети Интернет, не является чем-то необычным и неприемлемым. К сожалению, она становится нормой жизни. В большинстве случаев агрессия и жестокость среди несовершеннолетних носят демонстративный характер. Подобным образом подростки пытаются получить признание и популярность среди сверстников. Несовершеннолетние снимают на камеры мобильных телефонов избиения сверстников, лиц без определенного места жительства и случайных прохожих, а затем размещают видеофайлы в социальных медиа. Так, например, в августе 2014 года 15-летний подросток жестоко избил пенсионерку, а его друг снимал все это на камеру мобильного телефона, одобрительно комментируя каждый успешно нанесенный удар¹. В августе 2012 года две девушки избили свою 16-летнюю подругу, а их друзья в это время не пытались разнять драку, а снимали происходящее на камеру². В обоих случаях сцены избиения были загружены в социальные медиа.

Итак, третью группу преступлений составляют деяния, связанные с размещением или рассылкой в социальных медиа информации противоправного характера. Перечень подобной информации обширен и подвержен изменению. Социальные медиа становятся источником общественно опасных знаний. В сообществах

¹ Подростки выложили в Сеть видео избиения пенсионерки // URL: <http://lifenews.ru/news/139285> (дата обращения: 10 мая 2022 г.).

² В Гусеве школьницы жестоко избили девочку и выложили видео в интернет // URL: <http://www.klops.tv/video/incidents/izbienie/> (дата обращения: 10 марта 2022 г.).

социальных медиа появляются предложения совместно покончить с жизнью, пропагандируются безболезненные способы суицида, опасные для жизни и здоровья увлечения, открыто рекламируются коммерческие услуги сексуального характера. Усиливает проблему возможность быстрого восстановления заблокированного противоправного контента. Выявление таких преступлений основано на мониторинге социальных медиа правоохранными органами, специализированными общественными организациями и получении информации от пользователей.

К четвертой группе нами отнесены преступления, связанные с нарушением авторских и смежных прав в социальных медиа. Современная компьютерная техника в совокупности с социальными медиа представляет неограниченные возможности для копирования без потери качества, распространения и использования объектов авторского права, находящихся в цифровом виде. В основном в качестве объектов авторского права в социальных медиа выступают аудиозаписи и видеозаписи, реже книги. Нелегальное распространение с помощью интернета объектов авторского права получило название «пиратство». Складывающаяся на сегодняшний день тенденция развития интеллектуального права в цифровой сфере свидетельствует о низкой эффективности правовых запретов и ограничений. По словам экспертов, только 10% контента просматривают легально. Ситуацию осложняет и тот факт, что пользователи до сих пор не научились различать легальный и пиратский контент¹.

Поскольку выявление подобных преступлений в основном базируется на мониторинге социальных медиа, «пираты» прибегают к различным способам сокрытия объектов авторского права. Для этого они меняют название (фильм «Игры в Имитацию» обнаружен под названием «Без названия»), используют в названии сочетание букв латинского и русского алфавита (фильм «Игры в

¹ Плати или не смотри // URL: <http://rg.ru/2014/11/17/zakon.html> (дата обращения: 22 марта 2022 г.).

Имитацию» обнаружен под названием «Угра В УмиТадию (2015)»), распространяют в социальных медиа ссылки на «пиратские» сайты (К видеозаписи «Снайпер» обнаружен комментарий: «Для просмотра фильма перейдите по ссылке piratevideos.ru/snaiper_2015). Указанные способы не обеспечивают полного сокрытия объектов авторского права от правоохранительных органов и администраций социальных медиа, но значительно затрудняют их поиск. В случае же блокировки контента, относящегося к объекту авторского права, функциональные особенности социальных медиа позволяют «пиратам» в короткие сроки разместить его в социальной медиа снова.

Стоит отметить, что нами не обнаружено приговоров о нарушении авторских и смежных прав в социальных медиа. Основная причина этого заключается в том, что правообладатели в случае нарушения их авторских и смежных прав обращаются к руководству социальных медиа с требованием блокировки незаконно распространяемого контента. Пользователь, незаконно распространяющий объекты авторского права, в свою очередь, никаких наказаний и ограничений не испытывает. Данное обстоятельство в ряде случаев может быть стимулирующим к распространению указанных материалов.

Подводя итоги анализа типологии основных криминальных угроз в социальных медиа, необходимо отметить, что некоторые рассматриваемые преступления могут одновременно относиться к нескольким группам типологии. Данное обстоятельство не противоречит принципам формирования типологии, для которой «характерно именно вероятное для данной категории явлений, а не жесткое обособление одной группы от другой»¹.

Представленная типология не является исчерпывающей. Обусловлено это интенсивным развитием информационных телекоммуникационных технологий, которое неизбежно

¹ Игошев К. Е. Типология преступников и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974. – С. 49–50.

приводит к изменению диапазона, динамики и структуры преступлений, совершаемых в социальных медиа. В то же время данная типология позволяет рассматривать преступления, совершаемые в социальных медиа, как целостное образование. Кроме того, в результате анализа типологии выделены наиболее существенные особенности рассматриваемых преступлений как крайнего проявления деструктивного поведения, такие как неперсонифицированность, общедоступность, высокая латентность, широкая распространенность. Низкая эффективность блокировки противоправной информации и слабая защита персональных данных пользователями облегчают совершение преступлений в социальных медиа и повышают виктимность жертв. Полученные выводы будут способствовать выработке эффективных педагогических мер предупреждения деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа.

1.3. Социально-психологические особенности лиц, проявляющих деструктивное поведение в социальных медиа

Выявление особенностей личности с поведением, отклоняющимся от нормы, всегда являлось одной из главных задач криминологии. Изучение личности, проявляющей деструктивное поведение в социальных медиа, как основного и важнейшего звена всего механизма такого поведения необходимо для понимания его детерминации и выработки эффективных мер предупреждения. Кроме того, познание изучаемых личностей вызывает особый интерес, поскольку во многих случаях мы имеем дело с субъектами, в отношении которых социальные медиа выступили детерминантом их деструктивного поведения, ранее не сталкивавшимися с правоохранительными органами.

На сегодняшний день среди криминологов нет однозначного подхода к определению личности преступника. К первой группе относятся ученые, считающие, что понятие «личность преступника» относится не ко всем лицам, совершающим преступления, а лишь к тем, для которых противоправная деятельность является

основной, то есть профессиональным преступникам¹. Применительно к личности преступника, совершающего преступления в социальных медиа, данный подход не затронет лиц, впервые совершающих противоправные деяния, и лиц, чьи криминогенные качества только формируются.

Вторая группа криминологов в понятии личности преступника уделяет внимание признакам субъекта и субъективной стороны. При этом какие-либо свойства личности ими не рассматриваются². Думаем, что такой подход к определению личности преступника, совершающего преступления в социальных медиа, не позволит выявить механизм ее формирования.

Третья группа ученых рассматривает личность преступника прежде всего с позиции интегрированных в неё социально-психологических свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми и детерминировавших выбор ею преступного способа удовлетворения своих потребностей, повлекший совершение преступления³. Сторонники данного подхода определяют личность преступника как некую модель, социальную и психологическую, обладающую специфическими чертами, которой присущи антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям и выбор общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявление необходимой активности в предотвращении общественно опасного последствия⁴. В данном случае объектом изучения будут являться не только лица, умышленно совершившие преступления, но и лица, виновные в преступной неосторожности.

Использование данного подхода для изучения личности, совершающей противоправные деяния в социальных медиа, позволит выявить личные качества, детерминирующие совершение

¹ Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника // Советское государство и право. – 1979. – № 8. – С. 101; Резник Г. М. Криминологическая профилактика и социальное планирование // Вопросы борьбы с преступностью. – 1979. – Вып. 31. – С. 29.

² Кудрявцев В. Н. Личность преступника. – М. : Юридическая литература, 1975. – С. 16.

³ Криминология и профилактика преступлений : Учебник / Аванесов Г. А., Алексеев А. И., Антонян Ю. М. и др.; под ред. А.И. Алексеева – М. : Изд-во ВШ МВД СССР, 1989. – С. 95.; Криминология : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. – М. : Юнити-Дана; Закон и право, 2007. – С. 130.

⁴ Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. – М., 2010. – С. 12.

преступления, отличающие её от других преступников, а также те свойства, на которые можно воздействовать при проведении профилактических мероприятий.

Совокупность социально-значимых качеств, наличие которых способствовало совершению противоправного деяния, образует структуру личности. В криминологической литературе нет устоявшегося единства мнений в отношении структуры личности.

Согласно наиболее распространенным позициям ученых, структура личности включает:

- социально-демографические и социально-психологические характеристики¹;

- социальные, демографические, анатомо-психофизиологические, социально-психологические, нравственно-психологические, уголовно-правовые свойства²;

- социологические и правовые характеристики (признаки)³;

- социально-демографические, уголовно-правовые и социально-значимые физиологические признаки, а также нравственные свойства и психологические особенности⁴;

- социологические, философские, психологические, экономические, этнические, демографические, правовые и медицинские характеристики⁵.

Несмотря на указанные различия в определении составляющих структуры личности преступника, бесспорным является разделение личностных особенностей на внешние (социальные, демографические, правовые) и внутренние (психологические).

¹ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. Т. I : Общая часть: учебник для магистров. – М. : Юрайт, 2015. – С. 622.

² Старков О. В. Криминология. Теория и практика : учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – С. 236–238.

³ Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М., 2010. – С. 155–168.

⁴ Криминология и предупреждение преступлений / под ред. В. И. Авдийского. – М. : Юрайт, 2017. – С. 104–106.

⁵ Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. – М., 2010. – С. 14.

Необходимо отметить, что де-юре преступником лицо признается только на основании вступившего в законную силу приговора суда. Вследствие чего, учитывая латентность преступности в социальных медиа, количество изучаемых лиц значительно сокращается. Данное обстоятельство, безусловно, негативно отразится на результатах исследования. Поэтому в нашем случае криминологическому изучению подлежат преступники де-факто, т.е. лица, совершившие противоправные деяния.

Важно отметить и тот факт, что построение общего типа личности преступника, совершающего противоправные деяния в социальных медиа, представляется нецелесообразным. Поскольку в социальных медиа возможно совершение разнообразных преступлений, отличающихся объектом посягательства, то общий тип личности преступника будет иметь усредненные характеристики. Выходом из данной ситуации представляется выявление особенностей лиц, совершающих наиболее распространенные противоправные деяния в социальных медиа.

Так, исследование психологических особенностей личности, совершившей противоправные деяния в социальных медиа, позволяет выявить отношение лица к нравственным ценностям, общепринятым в обществе, а также особенности эмоциональных, интеллектуальных и волевых свойств.

Наиболее значимым психологическим признаком личности преступника является содержание мотивации преступного поведения, которая включает в себя «мотивы, потребности, интересы, стремления, цели, влечения, мотивационные установки, идеалы и т. п.»¹.

Потребности и интересы не выходят за пределы внутренних субъективных переживаний и самостоятельно не могут быть причиной человеческой деятельности. Потребности выступают регулятором поведения личности, определяют направленность её мышления, чувств и воли. Интерес, с одной стороны, является ре-

¹ Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. – М. : Наука, 1991. – С. 25.

зультатом осознания объективно существующей потребности, а с другой – выступает в качестве основы формирования мотива деятельности для удовлетворения осознанной потребности¹. Таким образом, мотив представляет собой побудительную причину преступного поведения, детерминированную потребностями и интересами. Проведенное нами исследование приговоров по уголовным делам показало, что наиболее распространёнными мотивами совершения преступлений в социальных медиа являются: корысть (47%), самоутверждение и самопрезентация личности в микрогруппе (28%), хулиганские побуждения и месть (17%), исследовательский интерес (5%). Для сравнения приведем результаты исследований, полученные О. Ю. Введенской. Согласно ее данным, иерархия мотивов современных интернет-преступников выглядит следующим образом: корысть (65%), хулиганские побуждения (12%); любопытство (11%); влияние извне (6%); политические мотивы (4%); месть (2%)². В результате можно с уверенностью сказать, что мотивы совершения преступлений в социальных медиа в целом схожи с мотивами интернет-преступлений. Кроме того, основной мотив преступлений (корыстный), совершаемых в социальных медиа, аналогичен мотиву преступности в целом³.

Изучение приговоров по уголовным делам показало, что к преступлениям в социальных медиа с корыстным мотивом в основном относятся сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (96% опрошенных экспертов указали корыстный мотив при совершении указанного преступления), мошенничество и вымогательство (98% опрошенных экспертов), реже – деяния против конфиденциальности, целостности и доступности данных (38%), распространение порнографических материалов (17%).

¹ Могилевский А. Л. Истоки правонарушения: социально-психологический аспект / под ред. Б. С. Сарыева. – Ашхабад, 1987. – С. 124.

² Введенская О. Ю. Характеристика личности интернет-преступников // Вестник КРУ МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С.116–118.

³ Антонян Ю. М. Причины корыстной преступности // Вестник ВИ МВД России. – 2010. – № 4. – С. 7.

Мотив самоутверждения и самопрезентации личности в микрогруппе присутствует при распространении материалов порнографического и экстремистского характера (69%), проявлении сетевой агрессии (82%) и деяний против конфиденциальности, целостности и доступности данных (73%).

Хулиганские побуждения и месть характерны для кибербуллинга (76%), который может проявляться в различных формах – от оскорблений до распространения компрометирующей информации (в том числе порнографического содержания).

Познавательный мотив характерен для деяний, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности данных (89%). Однако проявление повышенного интереса к материалам порнографического характера в большинстве случаев приводит к их распространению (23%). Повышенный интерес к таким материалам указывает на деформацию ценностно-ориентационных установок личности.

Анализ уголовных дел по преступлениям, совершенным в социальных медиа, показывает, что подавляющее большинство лиц, совершающих подобные преступления – мужчины (83,3%), доля женщин составила 16,7%.

Далее нам представляется необходимым перейти к рассмотрению особенностей личности преступника в зависимости от совершаемого им деяния. Это позволит выявить наиболее характерные особенности личности, что, в свою очередь, будет способствовать разработке эффективной системы предупреждения.

Говоря о лицах, совершающих преступления, связанные с противоправным умышленным копированием, изменением (созданием), удалением или блокированием контента социальной сети, доступ к которому ограничен правообладателем этого контента, стоит еще раз отметить высокий уровень латентности таких преступлений и, как следствие, отсутствие достаточной для научного анализа судебной практики по таким делам. В результате анализа имеющихся приговоров уголовных дел, научной лите-

ратуры по данной тематике и мониторинга социальных медиа мы пришли к выводу, что распределение лиц, совершающих преступления, связанные с неправомерным доступом, модификацией, блокированием и уничтожением информации социальных медиа, по возрасту выглядит следующим образом: до 18 лет – 6%, 18–29 лет – 53%, старше 29 лет – 41%.

Такое количество преступлений, совершенных несовершеннолетними пользователями, объясняется тем, что в этом возрасте подростки проявляют повышенный интерес к познанию и приобретению новых навыков, популярных среди молодежи, в том числе и в области программирования и функционирования компьютерных систем. Однако если несовершеннолетний пользователь обладает глубокими знаниями в операционных системах и умениями в программировании, это еще не свидетельствует о том, что данные знания и умения будут направлены в созидательное русло. Естественно, что первым порывом становится потребность создать то, что запомнится на долгое время. Именно в этот период он начинает писать вирусы и вредоносные программы для осуществления неправомерного доступа, модификации, блокирования и уничтожения компьютерной информации, в том числе содержащейся в социальных медиа, желая тем самым удивить всех своим талантом. У таких пользователей преобладают познавательный мотив и мотив самоутверждения в микрогруппе.

Позже, написав вредоносную программу, способную эффективно осуществлять неправомерный доступ, модификацию, блокирование и уничтожение компьютерной информации, но не получив ожидаемого признания и оставшись безнаказанными, подросток проникается желанием получить экономическую выгоду за свой труд. В результате мотивом рассматриваемых деяний становится корыстный.

Специалисты правоохранительных органов в ходе проведенного нами опроса в качестве основных мотивов неправомерного доступа, модификации, блокирования и уничтожения ин-

формации социальных медиа назвали: корыстный (62% респондентов назвали его наиболее популярным), хулиганские побуждения (57%), познавательный (44%), иная личная заинтересованность (42%), месть (32%). В качестве основных особенностей личности рассматриваемых лиц специалисты отметили: замкнутость потребностей исключительно на получении доходов любым путем (63%), чувство интеллектуального превосходства (59%), деформацию системы нравственных ценностей (52%). Также в ходе опроса выявлено, что при совершении рассматриваемых деяний лица руководствуются: стремлением к получению высоких доходов (84%) и необходимостью удовлетворения интеллектуальных возможностей (82%).

Данный факт находит свое подтверждение и в криминологических исследованиях, отмечающих частый симбиоз мотивов корысти со стремлением подтвердить себя в качестве социального и биологического существа, т. е. с мотивом утверждения себя в жизни, основанным на потребности ощущать себя источником изменений в окружающем мире¹.

Схожие мотивы при исследовании компьютерных преступников называет В. Б. Вехов: 1) корыстные соображения; 2) политические цели (шпионаж, преступления, направленные на подрыв финансовой и денежно-кредитной политики правительства, на дезорганизацию валютной системы страны, на подрыв рыночных отношений); 3) исследовательский интерес (студенты и профессиональные программисты); 4) хулиганские побуждения и озорство; 5) месть².

В свою очередь, анализ приговоров уголовных дел показал, что 97% преступлений, связанных с неправомерным доступом к контенту социальных медиа, совершены по мотиву мести и зави-

¹ Антонян Ю. М. Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М. : Юристъ, 2008. – С. 168.

² Вехов В. Б. Компьютерные преступления : способы совершения и раскрытия. – М., 1996. – С. 41.

сти. Такой высокий показатель объясняется тем, что в результате таких деяний общественно опасные последствия наступают для жертв в виде ущерба репутации в кратчайшие сроки, что заставляет их обращаться в правоохранительные органы. Кроме того, лица, совершившие подобные деяния, не обладают специальными знаниями в части сокрытия следов преступления, вследствие чего становятся объектом уголовного преследования.

В то же время лица, осуществляющие неправомерный доступ к контенту социальных медиа на профессиональной основе, к уголовной ответственности привлекаются крайне редко. Причина, на наш взгляд, не только в наличии у них интернет-преступного профессионализма. Такие лица совершают неправомерный доступ с целью копирования данных, необходимых для «входа» в социальные медиа, для дальнейшей продажи. Общественно опасные последствия таких преступлений остаются для жертв либо незамеченными, либо расцениваются ими как незначительные. В результате жертвы предпочитают, не обращаясь в правоохранительные органы, восстанавливать доступ к социальной сети самостоятельно или с помощью технической поддержки сайта. Отсутствие судебной практики по таким преступлениям не позволяет в полном объеме исследовать личность преступников. Однако анализ специальной литературы показал, что в основном такие преступления совершают мужчины (98%), ранее к уголовной ответственности не привлекавшиеся.

Таким образом, лиц, совершающих преступления, связанные с неправомерным доступом, модификацией, блокированием и уничтожением информации социальных медиа, условно можно разделить на две категории. К первой категории относятся «профессионалы», основным мотивом которых является корыстный. Это, как правило, мужчины, ранее к уголовной ответственности не привлекавшиеся. Цель неправомерного доступа для таких лиц – получить данные для входа с целью дальнейшей продажи. Для таких лиц безразлично, кто станет жертвой неправо-

мерного доступа, им важно количество «взломанных» страниц. В ходе исследования выявлено, что в 2021 году страницы социальных медиа 20% несовершеннолетних пользователей в России подвергались «взлому» с целью продажи их аккаунтов.

Ко второй категории нами отнесены лица, совершающие преступление по мотивам мести и зависти. В процессе совершения преступления помимо неправомерного доступа такие лица совершают действия с модификацией, блокированием и уничтожением информации социальных медиа. К выбору жертвы они относятся избирательно, что обусловлено мотивом совершения преступления. Преступления, совершаемые такими лицами, носят единичный характер. Аналогично предыдущей категории в подавляющем большинстве (95%) это мужчины, ранее не судимые.

В результате анализа приговоров уголовных дел, связанных с мошенничеством в социальных медиа, выявлено, что 9% осужденных – лица до 18 лет, 61% – от 18 до 29 лет, 30% – старше 29 лет. В криминологических исследованиях описываются схожие возрастные особенности: возраст 33% интернет-мошенников на момент совершения преступления составляет от 14 до 20 лет; 54% – от 20 до 40 лет; 13% – старше 40 лет¹.

Также при изучении интернет-мошенников в криминологической литературе можно встретить позицию, согласно которой выделяется три основных типа личности:

- лица, которые отличаются профессионализмом в сфере компьютерной техники и программного обеспечения и определенным фанатизмом в собственной изобретательности;
- лица, имеющие психические отклонения, вызванные компьютерными фобиями и информационными болезнями;
- профессиональные мошенники в сети Интернет с явными корыстными интересами².

¹ Русаков И. М. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество в сфере предоставления интернет-услуг // Вестник КРУ МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 206–208.

² Козлов В. Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. – М., 2014. – С. 162.

Результаты анализа уголовных дел и опроса специалистов показали, что личность мошенника в социальных медиа наиболее близка третьему типу. Так, из материалов уголовных дел установлено, что наиболее распространенным мотивом совершения мошенничества в социальных медиа является корыстный 98%. Также при опросе специалистов на корыстный мотив при совершении мошенничества в социальных медиа указали 100% опрошенных, на мотив хулиганских побуждений и иной личности заинтересованности указали 21% и 62% соответственно, а в качестве основных особенностей личности рассматриваемых лиц специалисты отметили: безразличие к судьбам других людей (64%), отсутствие уважения к закону (62%). Также в ходе опроса выявлено, что при совершении рассматриваемых деяний лица руководствуются: чувством безнаказанности (81%) и нежеланием зарабатывать честным путем (75%).

Исследования в области психологии свидетельствуют о том, что описываемый выше тип мошенников наиболее распространённый. Помимо перечисленных характеристик им свойственны высокая степень готовности к совершению незаконных действий, «криминальная зараженность», антиобщественные установки личности, эгоистичность и расчетливость¹.

Анализ приговоров уголовных дел в отношении лиц, совершивших мошеннические действия в социальных медиа, показал, что 27% лиц, совершивших мошенничество в социальных медиа – женщины, а 23% мужчин ранее судимы.

Таким образом, мошенничество в социальных медиа совершается преимущественно молодежью, среди которой велика доля несовершеннолетних. Обусловлено это необходимостью удовлетворения финансовых потребностей, реализовать которые гораздо легче в привычной «среде обитания» несовершеннолетних – социальных медиа. Кроме того, совершению мошенничества в

¹ Романова Н. М., Сплошнова Е. А., Киселев К. А. Типология современных мошенников: фрустраторы и мотивировки // СИСП. – 2013. – № 9 (29). – С. 86.

социальных медиа несовершеннолетними пользователями способствуют описанные выше условия: отсутствие личного контакта и мнимая безнаказанность.

Что же касается лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, то в криминологической литературе существует множество мнений относительно классификации такого типа личности¹. Анализ классификаций позволил нам сделать вывод о том, что практически все они выделяют «потребителя» и «продавца».

В результате анализа приговоров уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, нами выявлено, что 46% из них связаны с незаконным приобретением, а 54% – с незаконной продажей. В. С. Соловьев в своих исследованиях выделяет также контрабанду и пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Если учесть, что данные деяния можно рассматривать как продажу, то мы получим схожие результаты (43,1% и 56,9% соответственно)².

Проведенное нами исследование позволило также получить следующие данные. Лица, осуществляющие продажу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с помощью социальных медиа – мужчины (99%), 36% из них ранее судимы. Преобладают среди них лица в возрасте от 18 до 29 лет (62%), несовершеннолетних среди них 16%, лиц старше 29 лет – 22%. В криминологической литературе также отмечается, что такие лица имеют, как правило, среднее техническое, высшее или незаконченное высшее образование. Большинство из них имеют по-

¹ Курындина А. Н. Криминологическая классификация и типология личности лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 3 (6). – С. 82–88; Думан Е. Д. Особенности личности наркопреступника, больного наркоманией // Вестник ВУиТ. – 2013. – № 2 (78). – С. 48–55.

² Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 60–72.

знания в области компьютерной техники и информационных технологий. Рассматриваемые лица хорошо ориентируются в системе безналичного расчета через электронные системы оплаты¹.

Основным мотивом при продаже наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в социальных медиа является корыстный. Такие данные получены из анализа приговоров по уголовным делам, а также в результате опроса специалистов. На мотив «иная личная заинтересованность» указали 57%, а в качестве основных особенностей личности рассматриваемых лиц специалисты отметили: безразличие к судьбам других людей, замкнутость потребностей исключительно на получении доходов любым путем (84%), деформацию системы нравственных ценностей (61%). Также в ходе опроса выявлено, что при совершении рассматриваемых деяний лица в основном руководствуются: стремлением к получению высоких доходов (87%), понуждением к такой деятельности со стороны других лиц (44%). Такие высокие показатели «корыстности» данного вида преступления связаны с тем, что наркобизнес дает самую высокую прибыль и в то же время латентность преступлений, связанных с ним, чрезвычайно высока².

В свою очередь, несовершеннолетних лиц среди покупателей больше, чем среди продавцов: их доля составляет 37%. Лиц в возрасте 18–29 лет среди покупателей 53%. Согласно изученным приговорам уголовных дел 93% «покупателей» – мужчины, 24% из которых ранее были судимы. Женщин, ранее судимых, среди покупателей не выявлено. Исследование показало, что основными мотивами приобретения наркотических средств несовершеннолетними являются самоутверждение (79%), признание значимости среди друзей (77%), наркотическая зависимость (42%).

Большое количество несовершеннолетних лиц, участвующих в обороте наркотических веществ в социальных медиа, связано с тем, что на наркорынке появилось большое количество

¹ Поляков В. В., Кондратьев М. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений // Известия АлтГУ. – 2015. – № 2 (86). – С. 83–86.

² Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб. 2009. – С. 283.

синтетического наркотика, часто называемого на сленге «спайс» или «соль» и получившего большую популярность среди молодежи. Мотивы совершения указанной группы преступлений несовершеннолетними свидетельствуют о том, что они не являются устоявшимися наркоманами. Кроме того, социальные медиа позволяют совершать операции с незаконным приобретением и сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров без личного контакта, что, на наш взгляд, является решающим фактором при выборе способа приобретения для так называемых «перворазников».

В результате анализа приговоров уголовных дел по преступлениям, связанным с распространением в социальных медиа материалов порнографического характера, установлено, что все они совершены мужчинами. Однако, учитывая высокую латентность таких преступлений и анонимность социальных медиа, нельзя исключать участие в данном виде преступлений и женщин. Особо стоит отметить, что в 44% случаев предметом преступления были материалы с порнографическим изображением несовершеннолетних.

Говоря о причинах данного вида преступлений, отметим, что в криминологических исследованиях существует классификация, согласно которой анализируемый нами тип личности условно делится на две основные категории:

1) лица, у которых подобное преступное поведение вызвано исключительно наличием деформаций психосексуальной ориентации;

2) лица, которые совершают преступления данной категории исключительно из корыстной заинтересованности¹.

В то же время в криминологической науке сформировалась позиция о преимущественно корыстном характере преступлений, связанных с распространением материалов порнографического

¹ Польшиков А. В. Предупреждение преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети «Интернет»: монография / под науч. ред. В. А. Лелекова. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 98.

характера. Однако анализ приговоров уголовных дел показал, что лишь 5% осужденных за распространение в социальных медиа материалов порнографического характера совершали указанные деяния с корыстным мотивом. Все они предоставляли доступ к видеозаписям порнографического характера, содержащихся на их странице, лицам, оплатившим данную услугу с помощью электронных сервисов перевода денежных средств.

Основная же часть преступлений совершена по мотивам удовлетворения гипертрофированных потребностей (39%), увеличения количества «подписчиков» и «друзей» (35%), хулиганских побуждений (21%). Специалисты отмечают, что для таких лиц характерны деформация системы нравственных ценностей и психосексуальной ориентации (42%), отсутствие уважения к закону (26%), чувство безнаказанности (32%).

В этой связи представляет интерес зарубежный опыт классификации лиц, участвующих в криминальном обороте детской порнографии в сети Интернет:

- наблюдатели (browsers), случайно попадающие на сайты с порнографией, но осознанно сохраняющие скопированные там изображения;

- «фантазеры» (private fantasists), намеренно создающие тексты или изображения для персонального пользования;

- «тральщики» (trawlers), активно собирающие детскую порнографию с доступных сетевых ресурсов;

- незащищающиеся коллекционеры (non-secure collectors), ищущие порнографические материалы через одноранговые сети без применения мер конспирации;

- защищающиеся коллекционеры (secure collectors), осуществляющие поиск материалов только через безопасные сети с применением конспирации;

- «ухажеры» (groomers), устанавливающие онлайн отношения с детьми;

- нарушители (physical abusers), вступающие в контакты с детьми, с которыми познакомились в сети;

- производители (producers), создающие собственные материалы и склоняющие детей к съемкам в порнографических сюжетах;
- распространители (distributors), распространяющие изображения с детской порнографией¹.

В данной классификации более подробно рассмотрены два типа лиц, осуществляющих оборот порнографических материалов:

- вступающие в контакт с несовершеннолетними пользователями, совершая при этом действия сексуального характера и т. д. Анализ приговоров уголовных дел по фактам оборота материалов порнографического характера в социальных медиа показал, что 32% осужденных лиц относятся к этому типу преступников;
- не вступающие в контакт с несовершеннолетними пользователями (68% от общего количества осужденных за оборот порнографических материалов).

Анализ уголовных дел по данным преступлениям показал, что все лица, осужденные за данные преступления – мужчины и ранее не судимы. 62% осужденных – лица в возрасте до 29 лет. В соответствии с действующим уголовным законодательством несовершеннолетние лица не могут быть субъектом преступления, предусмотренным ст. 242 УК РФ.

Однако факты совершения несовершеннолетними пользователями социальных медиа противоправных деяний, связанных с распространением порнографических материалов, описывались в криминологических исследованиях еще в 2009 году. Кроме того, отмечалось, что число несовершеннолетних распространителей порнографических материалов в социальных медиа будет возрастать².

¹ Tertiary Education Students' Attitudes to the Harmfulness of Viewing and Distributing Child Pornography J. Prichard, C. Spiranovic, K. Gelb, P. A. Watters, T. Krone // URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=tr&user=-EYHVEEAAAAJ&citation_for_view=-EYHVEEAAAAJ:yD5IFk8b50cC (дата обращения: 12 декабря 2022 г.).

² Польшиков А. В. Криминологическая характеристика лиц, совершающих изготовление и оборот детской порнографии в сети «Интернет» // Общество и право. – 2009. – № 3 (25). – С. 190–194.

В настоящее время в социальных медиа без труда можно найти объявления о продаже порнографических материалов с изображением несовершеннолетних. Стоимость порнографических материалов составляет от 10 рублей за фотографию, цена видеозаписи от 150 рублей. Особо стоит отметить, что такие объявления в 98% случаев размещают сами несовершеннолетние девочки и, как правило, объектом продажи являются материалы собственного производства. Кроме того, в социальных медиа имеются сообщества, в которых содержатся инструкции по ведению подобного «бизнеса».

Таким образом, большинство лиц, осуществляющих оборот порнографических материалов в социальных медиа, можно отнести к «коллекционерам». Низкая цена, по нашему мнению, также способствует увеличению оборота порнографических материалов с изображением несовершеннолетних в социальных медиа. В то же время треть пользователей, осужденных за сексуальные преступления в социальных медиа, осуществляли различные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних путем физического либо виртуального контакта. Полагаем, что основные причины участия несовершеннолетних в обороте порнографических материалов заключаются в их психологических особенностях.

Анализ уголовных дел по фактам размещения в социальных медиа публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности и информации, направленной на возбуждение ненависти, вражды или унижение человеческого достоинства показал, что 93% осужденных лиц – мужчины, 10% из них ранее судимы. Распределение по возрасту указанных лиц выглядит следующим образом: до 18 лет – 23%, от 18 до 29 лет – 67%, старше 29 лет – 10%.

Совершение подобных преступлений преимущественно несовершеннолетними и молодежью можно объяснить тем, что в этом возрасте завершается формирование личности, темперамента, социального сознания. В поведении проявляется потребность в самоутверждении. Если на этом фоне в социальных

группах происходит увеличение роли отрицательных средовых факторов, то создается благоприятная почва для формирования различных девиаций¹.

Мотивы подобных преступлений весьма разнообразны. Анализ приговоров уголовных дел и опрос специалистов показали, что наиболее распространенными среди них являются: ненависть в отношении группы людей по каким-либо признакам, хулиганские побуждения и самоутверждение в микрогруппе. Схожие мотивы отмечаются и в ряде криминологических исследований².

Среди особенностей анализируемых лиц специалисты назвали обостренное чувство несправедливости (72%), отсутствие уважения к закону (44%), чувство собственного превосходства (61%). Кроме того, А. В. Сергеева отмечает повышенную внушаемость несовершеннолетних, совершающих преступления экстремистского характера³. Используя характеристики зависимого типа личности экстремиста, приводимые в работе Ю. С. Пестеревой и Е. И. Чекмезовой⁴, можно сказать, что большинство лиц, размещающих в социальных медиа публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности либо информацию, направленную на возбуждение ненависти, вражды или унижение человеческого достоинства, обладают низкими волевыми качествами, преступление совершается ими под влиянием окружения, в том числе и виртуального, при этом они руководствуются основным законом толпы: «я как все».

¹ Антонян Ю. М., Могачев М. И. Состояние и особенности сексуальной преступности : учебное пособие. – М. : ВНИИ МВД России, 2004. – С. 16.

² Пестерева Ю. С., Чекмезова Е. И. К вопросу о личности экстремиста // Вестник Омской юридической академии. – 2012. – № 2 (19). – С. 108–110.; Сарычева И. В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 220–224.

³ Сергеева А. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 12.

⁴ Пестерева Ю. С., Чекмезова Е. И. К вопросу о личности экстремиста // Вестник Омской юридической академии. – 2012. – № 2 (19). – С. 109.

Результатом подобного влияния может быть как размещение жертвой в социальных медиа противоправных материалов экстремистского характера, так и ее вовлечение в террористическую либо экстремистскую деятельность вне социальных медиа. Указанная проблема в настоящее время достаточно актуальна и обсуждается как на государственном, так и на международном уровне. В то же время число уголовных дел по фактам вовлечения в социальных медиа лиц в террористическую деятельность либо в деятельность экстремистской организации или сообщества мало. Связано это, на наш взгляд, с труднодоказуемостью данных фактов, высокой латентностью данных преступлений, трансграничностью (зачастую вербовщики находятся вне юрисдикции нашего государства). На основе комплексного анализа научной литературы, результатов опроса специалистов мы пришли к выводу, что «вербовщики» в социальных медиа – это лица мужского (87%) и женского (13%) пола, в возрасте до 35 лет, представители преступных группировок экстремистского толка и террористических организаций. Что же касается личности несовершеннолетнего пользователя, вовлеченного в противоправные деяния экстремистского и террористического характера, то это лица мужского (70%) и женского (30%) пола в возрасте 15–17 лет, учащиеся (50%), работающие (10%). С. Ю. Алиева отмечает, что в 22% случаев, когда речь идет о вовлечении несовершеннолетнего в противоправную деятельность, злоумышленник был достаточно хорошо знаком с жертвой, только в 5% имели место угроза или применение насилия¹. Технологические особенности социальных медиа в данном случае позволяют достаточно легко и беспрепятственно установить контакт с неограниченным кругом пользователей в любой географической точке.

¹ Алиева С. Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кубанский государственный аграрный университет. – Махачкала, 2014. – 223 с.

Также нам представляется необходимым изучить личность пользователей, занимающихся кибербуллингом. В большинстве случаев данные деяния не образуют состава преступления. Однако, учитывая масштабы данной проблемы в нашей стране, возможное негативное влияние кибербуллинга на жертву, а также имеющиеся случаи суицида несовершеннолетних жертв кибербуллинга, выявление особенностей личности кибербуллера представляется вполне целесообразным.

Опрос специалистов показал, что основными мотивами кибербуллинга являются самоутверждение (81%) и хулиганские побуждения (76%), зависть (54%), увеличение количества «подписчиков» и «друзей» (33%). Среди основных особенностей таких лиц названы деформация системы нравственных ценностей (76%), чувство интеллектуального превосходства (70%), безразличие к судьбам других людей (52%).

Западные исследователи¹ выделяют четыре типа детей, занимающихся кибербуллингом.

1. «Ангел мести». Основным мотивом лиц данного типа является месть за то, что они сами оказались жертвой буллинга, характерной особенностью является обостренное чувство справедливости.

2. «Жаждающий власти». Основной мотив – самоутверждение, желание получить власть и авторитет, одной из причин их буллинга в социальных медиа может являться то, что они либо слабее сверстников, либо могут вымещать свою злость и беспомощность, оказавшись в состоянии уязвимости (например, при разводе или болезни родителей).

3. «Противная девчонка». Может быть как девочкой, так и мальчиком, кибербуллинг осуществляется из-за хулиганских побуждений, то есть ради развлечения, связанного с испугом и унижением других.

¹ Aftab P. Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab // URL: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (дата обращения: 5 февраля 2022 г.).

4. «Неумышленные преследователи». Такие лица включаются в кибербуллинг по инерции вслед за полученными негативными сообщениями о ком-то, в большинстве случаев в результате косвенной травли, в которую их вовлекают как свидетелей и соучастников.

В целом у таких пользователей имеются личностные особенности, связанные с садизмом, психопатией и макиавеллизмом (этим термином психологи обозначают склонность индивидуума обманывать других людей и манипулировать ими в личных целях)¹. Кроме того, ученые нашли связь между частотой онлайн-вых комментариев и степенью получаемого от троллинга удовольствия. Эти данные позволяют сделать вывод о наличии связи между чрезмерным использованием новых технологий и антиобщественным поведением².

Что же касается жертв кибербуллинга, то ими становятся примерно те же дети, которых преследуют в реальном мире (в школе, во дворе и т. п.): по разным причинам более уязвимые и менее уверенные в себе, часто имеющие какие-то отличия во внешнем виде, происхождении, поведении, состоянии здоровья по сравнению со сверстниками³. Однако имеют место случаи, когда жертвами могут стать физически более сильные подростки. Связано это с отсутствием физического контакта. А ключевой особенностью, на наш взгляд, является интеллектуальное превосходство над жертвой.

Необходимо отметить, что преступники, использующие социальные медиа для совершения противоправных деяний, в целом обладают личностными качествами, характерными для лиц, совершающих каждый из видов преступлений в отдельности, однако в целом такие преступники обладают определенным уров-

¹ Компьютерный садист: личность интернет-тролля. – URL: <http://inosmi.ru/world/20141022/223836526.html> (дата обращения: 25 января 2022 г.).

² Sadist Behind the Screen: The 'Internet Troll' Personality. – URL: <http://www.livescience.com/48128-internet-trolls-sadistic-personalities.html> (дата обращения: 28 декабря 2022 г.).

³ Kowalski R. M., Limber S. P., & Agatston P. W. Cyberbullying: Bullying in the digital age. 2nd ed. – Chichester : Wiley-Blackwell. 2011. – 294 с.

нем знаний в области информационных технологий, больше внимания уделяют вопросам сокрытия следов преступления и сохранения анонимности, отличаются умением легко установить эмоциональный контакт.

Кроме того, анализ уголовных дел показал, что доля лиц женского пола и доля несовершеннолетних, совершающих преступления в социальных медиа, выше аналогичной доли «обычной» преступности, что объясняется анонимностью и простотой совершения преступлений.

Мотивы лиц, совершающих преступления в социальных медиа, схожи с мотивами преступлений, совершаемых без использования информационных коммуникационных технологий. Однако доля корыстных преступлений, совершаемых в социальных медиа, меньше доли аналогичных преступлений, совершаемых без использования информационно-коммуникационных технологий. В то же время доля «познавательных» преступлений, совершенных в социальных медиа, выше. Данный факт обусловлен тем, что большинство пользователей социальных медиа, совершающих подобные преступления, не осознают общественной опасности совершаемых «познавательных» деяний. Что же касается несовершеннолетних пользователей, то при совершении ими преступлений в социальных медиа помимо «классических» возможны специфичные мотивы – увеличение количества друзей и подписчиков и самоутверждение путем нанесения морального, психологического вреда иным пользователям.

Анализ уголовных дел позволил сделать вывод об отсутствии взаимосвязи между степенью образования лица и возможностью совершения им противоправных деяний в социальных медиа. Данный факт вполне объясним простотой использования социальных медиа, в том числе и для совершения противоправных деяний несовершеннолетними. Трансграничность социальных медиа позволяет использовать их для совершения противоправных деяний независимо от места проживания (мегаполис, город, районный центр, деревня и т. д.), что также подтверждается анализом уголовных дел.

1.4. Проблемы правового регулирования социальных медиа

Анализ правового регулирования предупреждения преступлений с участием несовершеннолетних, совершаемых в социальных медиа, свидетельствует о наличии явных пробелов в этой области. Основные лакуны остаются в области регламентации деятельности общественных организаций, ответственности провайдера и владельца социальной сети, их взаимодействия с правоохранительными органами, а также криминализации некоторых общественно опасных деяний.

В то же время нельзя не замечать и определенных положительных моментов. В настоящее время наукой уголовного права разработаны и апробированы нормы, применяемые правоохранительными органами в отношении ряда преступлений, совершаемых в социальных медиа. Однако стремительный технический прогресс требует своевременного научного мониторинга этих норм с целью своевременного внесения в них дополнений и изменений или же принятия новых.

Под криминализацией с точки зрения уголовного права понимается процесс выявления общественно опасных форм поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых. Уголовно наказуемым является неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в социальных медиа, при условии её уничтожения, блокирования, модификации либо копирования.

В свою очередь, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет доступ к информации как «возможность получения информации и ее использования»¹. Неправомерным следует считать доступ к информации лица, не обладающего необходимыми полномочиями (без со-

¹ п. 6 ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

гласия собственника или его законного представителя), при условии обеспечения специальных средств ее защиты¹. Применительно к социальным медиа специальными средствами защиты будут являться персональные логин и пароль. Кроме того, к средствам защиты допустимо относить настройки приватности, с помощью которых пользователь определяет круг лиц, которым предоставляется доступ к той или иной информации на его странице.

Под охраняемой законом понимается информация, для которой законом установлен специальный режим ее правовой защиты. Перечень таких законодательных актов довольно обширен, в частности специальный режим правовой защиты установлен для информации, составляющей государственную служебную, налоговую, врачебную тайны и т. п. Особое внимание стоит уделить рассмотрению информации, относящейся к персональным данным, поскольку такие данные практически всегда присутствуют в социальных медиа. К персональным данным Федеральный закон «О персональных данных» относит любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Однако в социальных медиа пользователем может размещаться информация, не позволяющая идентифицировать его личность и не подпадающая под действие законодательных актов, устанавливающих специальный режим правовой защиты. В то же время уничтожение, блокирование или модификация такой информации могут привести к негативным последствиям у пользователей, особенно несовершеннолетних, в виде психических расстройств (переживаний, приступов агрессии и т. п.)

Заслуживают внимания и вопросы, связанные с наступлением общественно опасных последствий в виде уничтожения, бло-

¹ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // URL: <http://genproc.gov.ru/upload/iblock/a77/мет%20рек%20ПКИ.doc> (дата обращения: 21 октября 2022 г.).

кирования, модификации или копирования информации при неправомерном доступе к социальным медиа. В случае отсутствия указанных последствий, то есть при совершении вызова или просмотра компьютерной информации, хранящейся на машинном носителе, неправомерный доступ состава анализируемого преступления не образует. Необходимо, по крайней мере, установить факт умышленного переноса указанной информации на другой машинный носитель¹. В этой связи заслуживает внимания позиция Л. А. Букалеровой о «существовании исключительного специфического носителя охраняемых информационных ресурсов – человека, его памяти»² и возможности запоминания информации с целью дальнейшего ее воспроизводства.

Кроме того, под копированием понимается в том числе и считывание информации путем любого ее перехвата³. Здесь же вопрос вызывает используемый метод считывания: визуальный или технический. В случае если методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации подразумевают визуальный метод, под копированием следует понимать и ознакомление с информацией в результате неправомерного доступа к ней, то есть её копирование в память человека. Таким образом, ознакомление с компьютерной информацией в результате неправомерного доступа образует состав преступления, независимо от наступления иных общественно опасных последствий, предусмотренных ст. 272 УК РФ.

Что же касается наступления указанных в статье последствий, то мы придерживаемся позиции, согласно которой указан-

¹ Шурухнов Н. Г. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации. – М. : Щит-М, 1999. – С. 70.

² Букалерева Л. А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота. – М. : Юрлитинформ, 2006. – С. 24.

³ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // URL: <http://genproc.gov.ru/upload/iblock/a77/мет%20рек%20ПКИ.doc> (дата обращения: 21 октября 2022 г.).

ные последствия «должны влечь более строгую уголовную ответственность и могут быть сформулированы в качестве отягчающих обстоятельств»¹.

Кроме того, перечень указанных последствий при неправомерном доступе в социальные медиа не является исчерпывающим. На наш взгляд, не меньшие негативные последствия могут возникать в результате неправомерного доступа в социальные медиа при создании новой информации, не являющийся объектом иного состава преступления (информация, порочащая честь и достоинство или подрывающая репутацию, экстремистского или порнографического характера, врачебная тайна и т. п.). В качестве примера можно привести ситуацию, при которой злоумышленник из хулиганских побуждений осуществляет неправомерный доступ к социальным медиа и размещает от имени потерпевшего объявление о продаже дорогого телефона по достаточно низкой цене.

Определенные пробелы выявлены нами в практике применения уголовного законодательства за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

В последнее время серьезную проблему для информационной безопасности представляют «фишинговые» программы и сайты. Основной их целью является получение персональных компьютерных данных (паролей, логинов, номеров банковских карт и т. п.) путем обмана или введения в заблуждение жертвы. Так, например, в октябре 2015 г. «Лаборатория Касперского» обнаружила масштабное хищение учетных данных (логины и пароли) пользователей «ВКонтакте», которое осуществлялось через

¹ Шарков А. Е. Неправомерный доступ к компьютерной информации: преступность деяния и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – С. 9.

приложение для прослушивания музыки «Музыка ВКонтакте»¹. Приложение распространялось через специализированный интернет-магазин «Google Play», хищение происходило после того, как пользователь авторизовывался в приложении, то есть самостоятельно вводил свои логин и пароль, установленные для доступа в свой аккаунт в «ВКонтакте». В связи с отсутствием в УК РФ нормы, устанавливающей ответственность за подобные деяния, единственным методом борьбы со злоумышленниками является удаление «фишинговых» приложений из свободного распространения. Однако ничто не мешает им создавать новые «фишинговые» приложения и распространять их среди пользователей социальных медиа.

Стоит отметить, что совершение преступления в сфере компьютерной информации в большинстве случаев предшествует совершению других преступлений или деяний, на сегодняшний день еще не криминализованных отечественным законодателем, но от этого не менее общественно опасных. Решение данной проблемы видится нам в совершенствовании уголовного законодательства в сфере компьютерной информации с целью устранения выявленных нами пробелов.

Нами уже отмечалось, что серьезную угрозу для несовершеннолетних и проблему для правоохранительных органов представляет распространение негативной информации в социальных медиа. Запрет на оборот негативной информации в них без использования административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств защиты детей установлен Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». К техническим и программно-аппаратным относятся средства, ограничивающие доступ к запрещенной для распространения среди несовершеннолетних информации.

¹ «Касперский» заявил о краже данных сотен тысяч пользователей «ВКонтакте» // URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/09/10/2015/5617a9d19a79477d5a3458f1 (дата обращения: 13 октября 2022 г.).

Применительно к социальным медиа основными административными и организационными мерами являются принятие и размещение на сайте локальных актов:

- направленных на повышение осведомленности пользователей социальных медиа о необходимости обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних и их защиты от негативной информации;

- определяющих процедуры предотвращения, выявления и устранения нарушений законодательства Российской Федерации о защите несовершеннолетних от воздействия негативной информации;

- регламентирующих осуществление внутреннего контроля за соблюдением законодательства¹.

Таковыми локальными документами, регулирующими функционирование социальных медиа, на наш взгляд, следует считать правила пользования, лицензионное или пользовательское соглашение т. п. Проведенный нами анализ Правил пользования сайтом «ВКонтакте» позволил выявить ряд положений, не отвечающих требованиям законодательства и существенно снижающих эффективность предупреждения преступлений, совершаемых в указанной социальной сети.

В частности, процедура осуществления внутреннего контроля за соблюдением законодательства в анализируемой сфере, а также предотвращения, выявления и устранения нарушений сводится к минимуму: администрация сайта оставляет за собой право по собственному усмотрению, а также при получении информации от других пользователей изменять (модерировать) или удалять любую публикуемую пользователем информацию, нарушающую законодательство (включая личные сообщения),

¹ Об утверждении требований к административным и организационным мерам, техническим и программно-аппаратным средствам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию : приказ Минкомсвязи России от 16.06.2014 № 161 // СПС «КонсультантПлюс».

приостанавливать, ограничивать или прекращать доступ к такой информации. В то же время администрация сайта не занимается предварительной модерацией или цензурой информации, а в информационной системе сайта и его программном обеспечении отсутствуют технические решения, осуществляющие автоматические цензуру и контроль действий пользователей по размещению негативной информации. Стоит отметить, что в настоящее время административное законодательство за подобные нарушения предусматривает ответственность лишь для юридических лиц (административный штраф в размере от 20 тысяч до 50 тысяч рублей) и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (в размере от 5 тысяч до 10 тысяч рублей).

До недавнего времени определенные проблемы предупреждения оборота порнографического контента в социальных медиа создавало отсутствие в законодательстве определения «порнографии». В настоящее время под информацией порнографического характера следует понимать информацию, представляемую в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного¹. Выше нами отмечалось наличие большого объема порнографического контента в социальных медиа. При этом правила пользования «ВКонтакте» запрещают «загружать, хранить, публиковать, распространять и предоставлять доступ или иным образом использовать любую информацию, которая является вульгарной или непристойной, содержит порнографические изображения и тексты или сцены сексуального характера с участием несовершеннолетних», «Одноклассники», помимо указанного, запрещают своим пользователям размещение гипертекстовых ссылок

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

на интернет-сайты, содержащие такие материалы. Уголовная ответственность за распространение порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних предусмотрена ч. 2. ст. 242 УК РФ, также запрещающей их публичную демонстрацию и рекламирование.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет распространение информации как «действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц». Большинство социальных медиа позволяют своим пользователям предоставлять доступ к размещаемой на своей странице информации вполне определенному кругу лиц. Таким образом, действия пользователя, разместившего на своей странице, доступ к которой предоставлен лишь несовершеннолетним «друзьям», видеозапись порнографического содержания, не могут быть классифицированы по ч. 2 ст. 242 УК РФ. Не подлежат такой квалификации и действия пользователя, осуществившего рассылку порнографического контента через личные сообщения несовершеннолетним участникам какого-либо сообщества социальной сети. Вышеперечисленные действия пользователя социальной медиа определяются Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как предоставление информации.

Не совсем ясно, какие именно действия должны быть квалифицированы как публичная демонстрация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» обязывает расценивать действия как публичные, если они совершаются в отношении других лиц¹, то есть минимум двух. О том, что действия могут быть признаны публич-

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

ными, если они совершены в присутствии двух и более лиц, говорят и криминологические исследования данной проблемы¹. Гражданский кодекс РФ, в свою очередь, под публичным показом предписывает понимать «любую демонстрацию ... в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи»². Что же касается социальных медиа, то при квалификации действий в качестве публичной демонстрации следует учитывать фактор одновременности просмотра информации. Кроме того, в случае публичной демонстрации пользователем информации длительного восприятия (аудио- и видеоматериалы) инициатором воспроизведения должен являться именно он. При отсутствии таких факторов (одновременности и инициативности) действия должны расцениваться как распространение или предоставление информации. Таким образом, в связи с отсутствием в исследуемых нами популярных социальных медиа технических возможностей, обеспечивающих одновременное восприятие несколькими пользователями контента, воспроизведение которого они не инициировали, публичная демонстрация информации длительного восприятия в настоящее время в них невозможна.

Несмотря на то что рекламирование порнографических материалов и предметов не может регулироваться Федеральным законом «О рекламе», так как он не распространяется на объявления физических и юридических лиц, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, определенный интерес для нас представляет понятие рекламирования, изложенное в указанном законе. Под рекламированием следует понимать распространение любым способом и с использованием любых средств информации в

¹ Бажин Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=2091> (дата обращения: 10 октября 2022 г.); Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205. 2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Серия 14 : Право. – 2016. – № 2. – С. 28–39.

² п. 2 ст. 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «Консультант-Плюс».

любой форме, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему¹.

В нашем случае объектом рекламирования выступает порнографический контент. Само по себе размещение в социальной медиа такого контента не может квалифицироваться как рекламирование, поскольку для такой квалификации необходимо наличие дополнительной сопроводительной информации, направленной на привлечение внимания, формирование или поддержание интереса к порнографическим материалам или предметам. Примером такого рекламирования в социальных медиа выступают гиперссылки на сторонние сайты с порнографическим контентом, размещение информации о содержащихся в сообществе порнографических материалах («Вступай, нас уже 200 000, более 1500 отборного видео, каждый день новые видео!!!»), рассылка приглашений в такие сообщества и т. п. Возвращаясь к определению рекламирования, необходимо отметить существенный, на наш взгляд, недостаток. В качестве рекламирования следует квалифицировать распространение информации не только неопределенному, но и определенному кругу лиц. Данная необходимость вызвана функциональными особенностями социальных медиа, которые позволяют установить достаточно большой круг пользователей, которым будет доступна для восприятия реклама. Вполне очевидно, что общественно опасные последствия обоих деяний равнозначны.

Российская Федерация, выполняя международные обязательства, устанавливает запрет на изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе и с использованием социальных медиа. Однако при реализации указанной уголовно-правовой нормы возникает проблема: как определить возраст лиц, изобра-

¹ О рекламе : федеральный закон от 12.03.2006 № 38-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

женных в порнографических материалах. Лицо, распространяющее в социальной сети информацию порнографического характера, может не знать возраст изображенных в ней лиц, визуально же определить возраст не всегда представляется возможным в силу разных причин (использование макияжа, различия в физиологическом развитии и т. д.). Данное обстоятельство, безусловно, создает трудности в процессе доказывания и может повлиять на квалификацию деяния, поскольку действующая уголовно-правовая норма предполагает, что лицо, совершившее деяние, связанное с оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, заведомо знало возраст изображенных там лиц.

Нередки ситуации, когда изготовитель порнографических материалов пытается создать ложное впечатление о возрасте изображенных там лиц, используя для этого, например, макияж и (или) одежду, типичную для несовершеннолетних. Кроме того, в ситуации, когда визуально определить возраст лиц нельзя, ввести в заблуждение можно, используя в названии порнографического контента слова «малолетка», «школьница» и т. п. Проблема заключается в том, что в отечественном законодательстве не учтено, как квалифицировать действия лица, направленные на оборот в социальных медиа порнографических материалов с изображением не реальных, а воссозданных при помощи современных средств компьютерной визуализации несовершеннолетних лиц.

Указанные проблемы, на наш взгляд, можно решить включением в отечественное законодательство определения детской порнографии. Удачный пример такого определения содержится в Модельном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В соответствии с ним «детской порнографией» признается описание фото-, видеоизображение или иное изображение ребенка или совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающих или имитирующих половое сношение или иные действия сексуального характера

или принимающих участие в совершении или имитации таких действий, либо реалистичное изображение (в том числе созданное средствами компьютерной графики, анимационными или иными изобразительными средствами) образа ребенка, совершающего действия сексуального характера или участвующего в таких действиях, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях¹.

Подобная законодательная практика используется в ряде зарубежных стран (Норвегия, Канада, Румыния). Кроме того, законодательством этих стран предусмотрена ответственность не только за деяния, описанные в диспозиции ч.1 ст. 242.1 УК РФ, но и за хранение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Включение указанного уголовно-правового запрета в отечественное законодательство, на наш взгляд, будет иметь значительный превентивный потенциал. Правоохранительным органам часто не удается собрать доказательства специальной цели хранения в виде распространения, публичной демонстрации или рекламирования порнографических материалов или предметов. Новый же запрет устранил данную проблему и позволит привлекать к уголовной ответственности лиц, у которых будут обнаружены указанные материалы или предметы.

Применительно к материалам порнографического характера в цифровом виде под хранением в данном случае следует понимать записанную физическим лицом на материальный носитель независимо от места его расположения информацию, к которой у него имеется доступ и возможность её удаления.

Серьезную угрозу для общества представляет и распространение информации экстремистского характера, а также деятельность экстремистских сообществ и организаций в социальных медиа. Современная геополитическая обстановка только обостря-

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : модельный закон // URL: // <http://www.lawmix.ru/abrolaw/1592> (дата обращения: 01 ноября 2022 г.).

ет ситуацию – вырос уровень конфронтации между Россией и Украиной, действия ряда зарубежных стран на Ближнем Востоке привели к появлению запрещенной в России террористической организации ИГИЛ. Как результат в социальных медиа ежедневно появляется большое количество информации экстремистского характера, активно ведется вербовка в ряды экстремистских и террористических организаций. Так, около 50 000 аккаунтов представителей запрещённых в России организаций в социальных медиа генерируют до 200 000 постов в сутки¹. Следует отметить, что государством в последнее время принят ряд эффективных мер противодействия экстремизму, в том числе и на законодательном уровне.

Уголовно-правовые нормы запрещают содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, вербовку в деятельность экстремистской организации или сообщества и др. Далее нам представляется более продуктивным не останавливаться на анализе этих норм, а перейти к предложениям по их совершенствованию.

Так, в мае 2014 года в уголовное законодательство введена норма, предусматривающая ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации. Выше мы уже упоминали о возможности использования социальных медиа для вовлечения лиц, в том числе и несовершеннолетних, в совершение противоправных действий. Особую опасность представляет совершение действий, направленных на вовлечение именно несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистского характера. Подросткам с еще не сформировавшимся мировоззрением, обостренным чувством справедливости, массой нерешенных «серьезных» проблем достаточно легко внушить новый

¹ Бомбим и твиттерим // URL: <http://navoine.info/bomb-and-twitt-them-all.html> (дата обращения: 05 ноября 2022 г.).

смысл жизни. В результате их прошлая жизнь и ближайшее окружение становятся враждебными, а сами они безоговорочно готовы выполнять поручения своих старших «друзей». До появления уголовно-правовых норм, содержащихся в ч. 1.1 ст. 282.1. и ч. 1.1 ст. 282.2. УК РФ, действия, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистского характера возможно было квалифицировать по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Напомним, данная статья предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Санкция этой статьи предусматривает лишение свободы на срок от 5 до 8 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового. Новые же уголовно-правовые нормы (ч. 1.1. ст. 282.1. УК РФ, ч. 1.1. ст. 282.2. УК РФ) предусматривают ответственность в виде лишения свободы на срок от 2 до 6 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет. Учитывая высокий уровень общественно опасных последствий, предусмотренных ч. 1.1. ст. 282.1. и ч. 1.1 ст. 282.2. УК РФ деяний, сложившаяся ситуация, на наш взгляд, снижает предупредительные возможности уголовно-правовых норм.

Что же касается понятия вовлечения, то в научной среде нет единого мнения по этому поводу. Например, А. В. Филатова утверждает, что вовлечение – это обязательно совместное с несовершеннолетним совершение противоправных действий¹.

Такая позиция, безусловно, снижает шансы правоохранительных органов собрать доказательственную базу по противоправным деяниям, связанным с оборотом негативной информации в социальных медиа, направленной на формирование криминогенных установок личности несовершеннолетних. В свою оче-

¹ Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / под ред. Э. Г. Липатова, С. Е. Чаннова. – М., 2008. – С. 136.

редь, А. Г. Авдейко¹ и С. А. Разумов² предлагают считать согласие несовершеннолетнего на выполнение противоправных действий основанием для того, чтобы вовлечение было окончанным. Похожей позиции придерживается и В. С. Савельева, отмечая, что вовлечение следует считать окончанным с момента совершения действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправного деяния, независимо от факта его (противоправного деяния) совершения, а в случае, когда подростком не совершено преступное деяние, несмотря на оказанное на него воздействие, лицо признается виновным в покушении на указанное преступление³.

На наш взгляд, при решении вопроса о квалификации деяний как склонение, вербовка или иное вовлечение несовершеннолетнего в деятельность экстремистской организации или сообщества целесообразно учитывать положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁴, в соответствии с которыми составы преступлений, предусмотренных статьями 150 и 151 УК РФ, являются формальными, совершения преступления несовершеннолетним в качестве обязательного признака не требуется.

Кроме того, в социальных медиа присутствует и информация, оборот которой ограничен как административным, так и уголовным законодательством, поскольку она способна вызвать у несовершеннолетних желание употребить спиртосодержащую

¹ Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н. Г. Салищевой // URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/416> (дата обращения: 15 октября 2022 г.).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина // СПС «Гарант».

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. – М., 2008.

⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Рос. газета. – 2011. – 11 февр.

продукцию (ст. 6.10 КоАП РФ), табачные изделия (6.23 КоАП РФ), наркотические вещества (6.13 КоАП РФ), заниматься бродяжничеством, попрошайничеством (ст. 151 УК РФ), преступной деятельностью (ст. 150 УК РФ) и др. В большинстве случаев подобная информация содержится в сообществах социальных медиа в открытом доступе для неограниченного числа несовершеннолетних пользователей.

Стоит отметить, что в статьях КоАП РФ, устанавливающих ответственность за распространение негативной информации, достаточно редко законодатель использовал в качестве особого или квалифицирующего признака факт распространения в сети Интернет. Стоит учесть, что социальные медиа обладают практически безграничными возможностями распространения информации, в том числе и среди несовершеннолетних. В результате общественно опасные последствия распространения негативной информации в социальных медиа, безусловно, выше, чем распространение аналогичной информации вне социальных медиа.

Заслуживает внимания и такое новое явление, как кибербуллинг (или кибермоббинг), получившее новое развитие с появлением социальных медиа. Выше мы уже описывали сущность этого явления и его классификацию. Теперь же стоит рассмотреть проблемы правового регулирования предупреждения кибербуллинга.

Во-первых, к кибербуллингу относится оскорбление, клевета и публичное разглашение личной информации в социальных медиа. К персональным данным ФЗ «О персональных данных» относит любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). КоАП РФ за нарушение установленного законом порядка распространения информации о гражданах (персональных данных) предусматривает предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трехсот до пятисот рублей. Кроме того, УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное распространение некоторых видов персональных данных (личной или семейной тайны, тайны усыновления и др.). Анализ ст. 138 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что под нарушением тайны переписки понимается ознакомление с любым видом сообщений, а также запись и (или) прослушива-

ние телефонных разговоров. Кроме того, распространение и предоставление доступа к указанной информации также является составом преступления, предусмотренного ст.138 УК РФ. Не вызывает сомнений тот факт, что в результате распространения и предоставления доступа к аудиозаписям телефонных разговоров и любым видам сообщений с помощью социальных медиа общественно опасные последствия могут быть гораздо выше, чем в результате лишь ознакомления с указанной информацией.

Также стоит обратить внимание на тот факт, что состав обеих норм формальный, что не требует наступления общественно опасных последствий. Далее для обозначения проблемы, приведем два примера, связанных с нарушением тайны переписки. В первом случае два одноклассника переписывались по поводу расписания занятий или домашнего задания на завтрашний день. Один из них без согласия другого, разместил «скрин» переписки у себя на странице, доступ к которой открыт всем пользователям социальной сети. Во втором случае две одноклассницы в переписке обсуждали в грубой форме своего классного руководителя. Позже одна из них без согласия другой также разместила «скрин» переписки в открытом доступе. В обоих случаях нарушена тайна переписки, однако последствия деяний могут кардинально отличаться.

Под оскорблением в ч.1 ст. 5.61 КоАП РФ понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, и устанавливается ответственность за данное деяние лишь для должностных и юридических лиц. Восприимчивость оскорбления в свой адрес зависит от психологического типа несовершеннолетнего. Одни «пропускают» оскорбления, другие проявляют ответную агрессию, иногда и вне социальных медиа. Известны и случаи, когда результатом оскорблений являлся суицид подростка. Учитывая возможные последствия оскорбления для несовершеннолетних, целесообразно предусмотреть в КоАП РФ ответственность за данные деяния и для граждан.

Законодателем помимо прочего предусмотрена ответственность за клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Однако существенным законодательным недостатком, на наш взгляд, является отсутствие в КоАП РФ и УК РФ квалифицирующего признака «использование информационно-

телекоммуникационной сети Интернет» в составах, предусматривающих ответственность за оскорбление, клевету или публичное разглашение персональных данных. Таким образом, использование анализируемых норм в отношении деяний, связанных с клеветой, оскорблением и разглашением персональных данных в социальных медиа, в настоящее время затруднено или не представляется возможным.

Во-вторых, одной из форм кибербуллинга является домогательство в социальной сети. В отечественном законодательстве сексуальное домогательство квалифицируется как развратные действия. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к развратным относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Кроме того, развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет.

В-третьих, угрозу для несовершеннолетних представляет использование фиктивного имени для совершения противоправных действий. Причем противоправные действия могут совершаться как в отношении несовершеннолетних, так и от их имени. Стоит отметить, что в законодательстве не предусмотрена ответственность за совершение подобных деяний. Повышенная общественная опасность данного деяния заключается в том, что при его совершении вред наносится, во-первых, лицу, от чьего имени совершаются противоправные деяния, а во-вторых, лицу или лицам, в отношении которых осуществляется деяние.

В-четвертых, к кибербуллингу относится преследование и открытая угроза физической расправы. Данные деяния в российском законодательстве квалифицируются как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Кроме того, побуждение несовершеннолетних к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, может быть квалифицировано по статье 110 УК РФ. Однако в социальных медиа подросток может столкнуться с систематическим ознакомлением с контентом, не содержащим угрозы причинения смерти или тяжкого вреда здоровью и не унижающим его достоинства, тем не менее причиняющим ему психические страдания. В настоящее время законодательство не позволяет квалифицировать такие деяния как преступление или правонарушение и, следовательно, лицо, осуществляющее преследование подобным образом, не несет ответственности за совершенные деяния.

Ранее нами отмечалось, что наиболее распространенным преступлением против собственности, совершаемым с использованием информационно-коммуникативных технологий, является мошенничество.

С 2013 г. в УК РФ действует ст. 159.6, предусматривающая ответственность за мошенничество, осуществленное путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации. Вполне очевидно, что действия, связанные с размещением в социальной сети информации, направленные на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления, могут и должны быть квалифицированы по ст. 159.6 УК РФ.

Однако анализ приговоров по уголовным делам, связанным с мошенничеством в социальных сетях, показал, что все они квалифицируются по ст. 159 УК РФ. Так, например, И., решив из корыстных побуждений завладеть обманным путем денежными средствами других лиц, создала в «ВКонтакте» страницу пользователя под своим именем и разместила на ней изображения одежды, фактически в наличии у нее не имеющейся. Далее с це-

лью введения в заблуждение осуществляла рассылку сообщений пользователям «ВКонтакте» с заведомо ложной информацией о том, что она осуществляет реализацию указанной одежды по сниженным ценам, для приобретения которой необходимо осуществить перевод денежных средств на банковскую карту, принадлежавшую И. Таким образом И. похитила у пользователей «ВКонтакте» денежные средства на общую сумму 436 900 рублей. Данное деяние было квалифицировано по ч. 3 ст. 159 УК РФ¹. Однако стоит обратить внимание и на тот факт, что преступления против собственности, совершаемые в социальных медиа, обладают двойным объектом посягательства: право собственности и нормальные отношения в сфере информационных технологий. В то же время санкции различных частей ст. 159.6 УК РФ идентичны санкциям ст. 159 УК РФ. Кроме того, санкция ч. 1 ст. 159.6 УК РФ не предусматривает такого наказания, как лишение свободы, в отличие от санкции ч. 1 ст. 159 УК РФ. Непродуманность изменений УК РФ, в результате которых появилась ст. 159.6, вызвала критику в теории уголовного права².

Подводя итог обсуждению, следует отметить, что процедура законодательного регулирования информационных процессов социальных медиа достаточно нова и сложна. Конечно же, мы не могли провести анализ всех правовых проблем, существующих в исследуемой нами сфере. Ответом должны стать новые нормы, их постоянный мониторинг и своевременная корректировка с учетом происходящих изменений. Назрела необходимость законодательного определения некоторых понятий, установления четкой правовой регламентации ответственности, установление в качестве квалифицирующего признака противоправных деяний их совершения в информационно-коммуникационной сети Интернет.

¹ Решение по уголовному делу 1-234/2012 // URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-kirova-kirovskaya-oblast-s/act-401770650/> (дата обращения: 02 ноября 2022 г.).

² Гаухман Л. Мошенничество: новеллы уголовного законодательства // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 25–27.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА ИНТЕРНЕТА

2.1. Объекты педагогической профилактики правонарушений и деструктивного поведения в социальных медиа, методика их выявления

В 2016 году в России был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Согласно ему профилактика правонарушений представляет собой «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»¹.

Под педагогической профилактикой мы понимаем комплекс воспитательных мер, направленных на предупреждение негативных явлений в социальной среде, ближайшем окружении, семье, которые влияют на формирование противоправного поведения.

Предупреждение индивидуального деструктивного поведения несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений в деятельности не только правоохранительных органов, но и общества в целом. Индивидуальное предупреждение девиантного поведения в социальных медиа мало отличается от аналогичных мер, направленных на предупреждение подобного поведения офлайн, в то же время они обладают рядом особенностей, обусловленных функциональными особенностями социальных медиа.

Работа правоохранительных органов и других субъектов предупредительной деятельности проводится в основном по следующим направлениям:

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Российская газета. – 2016. – 28 июня.

- непосредственное воздействие на несовершеннолетних, являющихся объектом предупредительного воздействия;

- воздействие на сообщества социальных медиа с антиобщественной направленностью, участниками которых являются несовершеннолетние пользователи;

- ограничение влияния негативных социальных факторов, связанных с причинами и условиями деструктивного поведения несовершеннолетних;

- воздействие на причины и условия, способствующие данному виду деструктивного поведения.

Предупредительная деятельность, организованная с учетом этих направлений, должна обеспечивать всестороннее профилактическое воздействие на несовершеннолетних, склонных к проявлению деструктивного поведения, на сетевую социальную среду, в которой они находятся. С этой целью организуется взаимодействие с государственными, общественными и иными организациями и учреждениями, участвующими в предупредительной деятельности.

Целью индивидуальной педагогической профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа являются исправление и перевоспитание подростка либо изменение его деструктивной ориентации. Отсюда вытекает необходимость решения задачи установления закономерностей отклоняющегося поведения, механизма его формирования и изменения. Для этого необходимо:

- выявлять несовершеннолетних, поведение, взгляды, мотивы поступков которых свидетельствуют о возможности проявления деструктивного поведения;

- определять и устранять источники отрицательного влияния на них;

- осуществлять контроль за поведением таких несовершеннолетних и образом их жизни;

- периодически анализировать полученные результаты и вносить соответствующие коррективы в работу.

В научной литературе встречаются различные мнения относительно определения объекта педагогической профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних. Наиболее разумной нам представляется точка зрения, согласно которой в качестве объекта профилактики деструктивного поведения рассматриваются лица, поведение которых свидетельствует о вероятном совершении ими преступления.

Таким образом, объектом индивидуального воздействия в процессе профилактики деструктивного поведения являются несовершеннолетние пользователи:

- отличающиеся противоправным сетевым поведением, которое заключается в основном в распространении в социальных медиа негативного контента, размещении оскорбительных комментариев, проявлении сетевой агрессии, реже в совершении деяний, связанных с получением неправомерного доступа к социальным медиа, со сбытом наркотических средств, с мошенничеством;

- с присущими криминологически значимыми психофизиологическими и личностными особенностями, способными оказать негативное влияние на их поведение¹;

- находящиеся под неблагоприятным влиянием факторов социальных медиа, к которым следует отнести активное участие пользователя в группах антиобщественной направленности и содержащих негативный контент, наличие виртуальных «друзей», способных оказать негативное влияние на пользователя.

Стоит отметить, что в социальных медиа имеют место деструктивные практики, в которых кроме «деструктива» присутствует лицо (лица), отсутствие которого делает проявление деструктивного поведения нецелесообразным и бессмысленным.

¹ К таким особенностям можно отнести легкие (не исключаящие вменяемости) отклонения в психическом развитии, склонность к суициду, повышенное внимание к сексуальным вопросам, гипертрофированное чувство справедливости и т. п.

Речь идет о пользователях, которые создают спрос на распространение противоправного контента (например, путем материального вознаграждения), приобретающих через социальные медиа товары, гражданский оборот которых законодательно запрещен, и т. п. Мы полагаем, что в отношении этой категории пользователей также должны применяться предупредительные меры.

Кроме того, индивидуальная педагогическая профилактика должна распространяться и в отношении возможных несовершеннолетних жертв деструктивного поведения в социальных медиа. Обусловлено это тем, что несовершеннолетние, являющиеся одними из основных пользователей социальных медиа, в силу отсутствия жизненного опыта и знаний, а также того, что молодежное сознание сопровождается достаточно резким критическим отношением к обществу и положением в нем, а об общественных ценностях и нормах имеет достаточно смутное представление, психологически готовы к усвоению различных идей, в том числе и противоправного характера.

Таким образом, в качестве объектов педагогической профилактики деструктивного поведения в социальных медиа мы предлагаем рассматривать три группы пользователей.

Несовершеннолетние пользователи, в отношении которых есть основания полагать, что они способны проявлять деструктивное поведение в социальных медиа.

Несовершеннолетние пользователи, являющиеся «потребителями» результатов деструктивных практик, но не являющиеся жертвами этих проявлений.

Несовершеннолетние пользователи, в отношении которых вполне вероятно проявление деструктивного поведения в социальных медиа.

Выявление указанных категорий пользователей является первым этапом профилактического воздействия, от качественного исполнения которого зависит полнота и эффективность всего процесса. Однако выявление лиц, склонных к проявлению де-

структивного поведения в социальных медиа, обладает рядом особенностей, как положительных, так отрицательных. Плюсом данного процесса является широкий охват пользователей, подвергающихся анализу, при значительно малых затратах временных и людских ресурсов, а также отсутствие физического контакта с выявляемым объектом. Определенным же минусом является присущая социальным медиа анонимность. И заключается она не только в сокрытии своих персональных данных. Анонимность свойственна и поведению пользователя в социальной медиа. Социальные медиа позволяют скрытно ознакамливаться (многие сообщества являются открытыми, что позволяет всем пользователям просматривать материалы сообщества, не подавая заявку на вступление в него) и распространять (путем рассылки личных сообщений) противоправный контент.

Далее нам представляется необходимым раскрыть основные приемы выявления объектов педагогической профилактики в социальных медиа. Стоит добавить, что выявление максимально возможного количества пользователей, проявляющих склонность к деструктивному поведению или обладающих повышенной виктимностью, – необходимое условие эффективной профилактики.

Итак, первый этап выявления объектов педагогической профилактики в социальных медиа – поиск сообществ, содержащих негативный и противоправный контент. В качестве примера нами будет описан алгоритм выявления пользователей, осуществляющих распространение контента порнографического характера и проявляющих повышенный интерес к указанному контенту.

Поиск сообществ осуществлялся в несколько этапов с помощью поисковых возможностей социальных медиа. На первом этапе нами были осуществлены запросы в поисковой строке социальной сети по словам «порно», «porno», «секс», «sex». В результате для последующего анализа отобрано 250 сообществ, содержащих информацию порнографического характера, с наибольшим количеством участников.

На втором этапе, используя функциональные возможности социальных медиа, позволяющие определить субъект, разместивший контент в сообществе, нами был проведен анализ сообществ, от имени которых в отобранных на первом этапе сообществах размещена информация порнографического или эротического характера. В результате было обнаружено еще 174 сообщества, содержащих информацию порнографического характера. Также для анализа было отобрано 79 пользователей, размещавших информацию порнографического или эротического характера в отобранных на первом этапе сообществах. Анализ сообществ, членами которых являются указанные пользователи, позволил выявить еще 213 сообществ, содержащих информацию порнографического характера.

Стоит отметить, что, с одной стороны, злоумышленники пытаются осложнить для лиц, которые могут предпринять действия по блокировке, поиск противоправного контента и сообществ по интересам негативного характера. С другой же стороны, они стремятся «разрекламировать» подобные сообщества и контент среди «своих». В связи с этим сообществам социальных медиа присущи особенности, которые облегчают их поиск. С целью выявления особенностей сообществ, содержащих информацию порнографического характера, нами был проведен анализ 637 таких сообществ. В результате установлено, что в названиях сообществ порнографического характера, наиболее часто используется обозначение «XXX» «18+». Для подтверждения этих выводов в поисковой строке одной из социальных сетей мы осуществили запросы «XXX» и «18+», в результате нами обнаружены более 700 сообществ (например, «XXX XXX», «Видео XXX», «Дом2 Видео XXX»), содержащих видеозаписи порнографического характера, а также предложения об оказании коммерческих сексуальных услуг. Таким образом, с целью повышения эффективности выявления сообществ, содержащих порнографический контент, в поисковые запросы

помимо указанных выше слов «порно», «рогно», «секс», «sex» целесообразно включать и «XXX» и «18+».

В то же время стоит отметить, что использование символов «XXX» в написании имени пользователя не всегда означает, что данный пользователь проявляет повышенный интерес к контенту порнографического характера. Анализ страниц пользователей с именами, содержащими символы «XXX», показал, что в большинстве случаев подобные обозначения используются для сокрытия фамилии пользователя. Для обозначения порнографических материалов с изображением несовершеннолетних используются обозначения «ДП» (детское порно) или «ЦП» (от англ. CP – Child Pornography).

В ходе исследования выяснилось, что экстремистские настроения в социальных медиа аналогичны настроениям в реальном мире и во многом зависят от политической обстановки в мире. Таким образом, для поиска сообществ экстремистского толка необходимо использовать актуальную политическую информацию. Так, например, по запросам «ватник» и «москаль» нами обнаружено более 2000 сообществ. Анализ наиболее популярных из них («Анти-Москаль [UA]» и «РАШКА – КВАДРАТНЫЙ ВАТНИК») выявил наличие контента, способного разжечь межнациональную рознь, и показал, что их аудитория составляет более 60 000 пользователей.

Для выявления сообществ националистического характера целесообразно осуществлять поисковые запросы «White Power», «Русский союз» «Русский национализм» и т. п. На аватарах таких сообществ, как правило, размещается свастика, рунический символ, белый волк, императорский флаг России (черно-желто-белый горизонтальный триколор). Стоит еще раз отметить, что поиск сообществ, пропагандирующих халифат и деятельность организаций, запрещенных в Российской Федерации, осложнен использованием арабского языка. На аватарах таких сообществ доста-

точно часто размещены скрещенные автоматы Калашникова, черный флаг с арабскими символами.

В названиях сообществ, пропагандирующих употребление наркотических средств, содержащих объявления об их продаже, довольно часто используются названия наркотических средств. В качестве примера можно привести сообщества «Легальные порошки JWH» и «Всем любителям ганжи», обнаруженные при помощи поискового запроса «JWH» и «ганжа».

Сообщества, аналогичные «Хакер – не преступник | Larionov TVs|» «Хакеры», в которых обсуждаются способы и методы неправомерного доступа к компьютерной информации, описывается программное обеспечение для совершения неправомерных действия (например, для осуществления ddos-атак), можно обнаружить при помощи поискового запроса «хакер».

Анализ социальных медиа позволил сделать вывод о том, что в большинстве случаев контент, касающийся суицидальной тематики, сопровождаются хэштегами #F57, #F58, #Тихийдом, #РитаПаленкова. Хэштеги #ZCP4, #ЗЦПЧ, #зацеп являются типичными для контента и сообществ, описывающих зацепинг, способ передвижения, заключающийся в проезде на поездах и иных рельсовых транспортных средствах с их внешней стороны.

Второй этап заключается в поиске пользователей, проявляющих сетевую активность негативного характера в сообществе, то есть размещающих посты (отдельно взятое сообщение, содержащее любой вид контента и доступное для ознакомления неопределенному кругу лиц) и открыто выражающих одобрение противоправного контента. Такое одобрение может заключаться в постановке «лайка», то есть нажатии специального символа, располагающегося под размещенным контентом, рядом с которым располагается счетчик условных одобрений. Также социальные медиа позволяют сделать «репост» понравившегося контента. Функция «репост» представляет собой копирование контента на свою страницу в социальной сети (либо в сообщество, адми-

нистратором которого вы являетесь) с указанием первоисточника информации. В первоисточнике по аналогии с «лайками» ведется счетчик пользователей, поделившихся контентом. Важно отметить и то, что счетчики «репостов» и «лайков» позволяют просмотреть список пользователей, воспользовавшихся этой функцией.

Данный факт помогает выявить пользователей, одобряющих противоправный контент. Однако для включения пользователя в список объектов, в отношении которых необходимы меры педагогической профилактики деструктивного поведения в социальных медиа, необходимо провести контент-анализ страницы пользователя, который позволит сделать вывод о степени сформированности у пользователя деструктивных установок и необходимости применения в отношении него указанных мер. Подобный анализ должен включать подробное изучение всей информации, содержащейся на странице пользователя (аудио- и видеозаписи, список сообществ, членом которых он является, список друзей, посты, размещенные на странице и т. д.). Кроме того, контент-анализ должен быть одной из форм изучения значимых психофизиологических и личностных особенностей пользователя, определяющих деформацию его поведения.

К особенностям девиантной личности можно отнести легкие (не исключающие вменяемости) отклонения в психическом развитии, склонность к суициду, повышенное внимание к сексуальным вопросам, гипертрофированное чувство справедливости и т. п. В качестве факторов социальной сети, оказывающих неблагоприятное влияние на формирование личности, следует учитывать членство пользователя в группах антиобщественной направленности и содержащих негативный контент, наличие виртуальных «друзей», способных оказать негативное влияние на пользователя.

Кроме того, в социальных медиа возможно осуществлять контент-мониторинг страниц конкретно определенной группы пользователей (учеников одной школы, жителей города и т. п.). Однако эффективность выборки пользователей для мониторинга

будет зависеть от достоверности указанных пользователями сведений (по которым осуществляется отбор для контент-анализа) в профиле социальной сети. Так, используя возрастную критерий «до 16 лет» и «город: Воронеж», нами был проведен анализ 500 страниц пользователей одной из социальных сетей. В результате анализа нами выявлено 207 пользователей, чье сетевое поведение свидетельствует о деструктивности. В качестве критериев такого поведения у несовершеннолетнего нами были обозначены наличие на странице социальной сети противоправной и негативной информации (нецензурная лексика, порнографические материалы, пропаганда табакокурения и употребления алкоголя и наркотических веществ, материалы, унижающие честь и достоинство других лиц по различным признакам и т. п.).

В научной литературе указывается, что индивидуальные виктимологические аспекты профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних занимают особое место в предупредительной деятельности и состоят в выявлении лиц с повышенной виктимностью и проведении с ними воспитательных и обучающих защитно-профилактических мероприятий, направленных на снижение виктимности; информировании о возможности возникновения опасных ситуаций и мерах нейтрализации негативного воздействия¹.

Методика выявления в социальных медиа лиц с повышенной виктимностью аналогична описанной выше. Однако в данном случае анализ страниц социальных медиа направлен на поиск критериев виктимности, к которым нами отнесены следующие: наличие собственных «откровенных» фото (у девочек), наличие в друзьях «взрослых» пользователей, по косвенным признакам не являющихся родственниками, наличие контента суицидальной тематики, наличие на стене оскорбительных комментариев и контента в адрес пользователя и т. п.

¹ Щеголева А. Н. Виктимологические аспекты ранней профилактики преступности несовершеннолетних : монография / под науч. ред. В. А. Лелекова. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2009. – С. 114.

Еще одним эффективным способом выявления потенциальных несовершеннолетних жертв деструктивного поведения в социальных медиа может стать проведение мониторинга подростков, в ходе которого возможно выявление показателей, которые свидетельствуют о повышенном уровне виктимности несовершеннолетних. Примером такого мониторинга может послужить проведенное автором анкетирование несовершеннолетних пользователей, в ходе которого выявлено, что 17% из них отправляли свои фотографии пользователям, с которыми они не знакомы в реальной жизни, 11% несовершеннолетних пользователей общаются (общались когда-либо) в социальных медиа на сексуальные темы с незнакомыми людьми, 68% добавляют в «друзья» незнакомых людей и общаются с ними на различные темы, 34% состоят в сообществах, пропагандирующих выполнение заданий, связанных с риском для жизни, 54% состоят в сообществах, в которых распространяется негативный контент.

Безусловно, мы рассмотрели особенности выявления далеко не всех сообществ, содержащих негативный контент. Основной нашей задачей было показать методику обнаружения подобных сообществ с целью выявления пользователей, в отношении которых необходимо осуществить меры педагогической профилактики деструктивного поведения в социальных медиа.

Нами предложена методика выявления в социальных медиа лиц, проявляющих склонность к деструктивному поведению или обладающих повышенной виктимностью, а также сообществ, содержащих негативный и противоправный контент. Методика основана на анализе контента пользователя (сообщества) и сетевой активности в социальных медиа с целью выявления деструктивных маркеров. Кроме того, предложен вариант анкетирования в социальных медиа, которое показало свою эффективность в вопросе определения показателей, свидетельствующих об уровне виктимности несовершеннолетних пользователей.

2.2. Психолого-педагогические основы профилактики правонарушений и деструктивного поведения несовершеннолетних

Что касается субъектов выявления лиц, проявляющих склонность к деструктивному поведению или обладающих повышенной виктимностью, а также сообществ, содержащих негативный и противоправный контент, то в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» на сотрудников полиции возлагается обязанность по выявлению лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу, а также участвовать в пропаганде правовых знаний. Однако учитывая временные и людские ресурсы, необходимые для качественного его выполнения, целесообразно привлекать к выявлению объектов индивидуального предупреждения общественные организации (инициативные общественные объединения) и педагогический состав образовательных организаций.

Профилактика деструктивного поведения предполагает деятельность субъектов профилактики по реализации системы общих и специальных мероприятий на общегосударственном, правовом, общественном, экономическом, медико-санитарном, педагогическом, социально-психологическом уровнях.

Т. В. Ничишина¹ выделяет две стратегии профилактики:

- *негативно ориентированная* (акцентируются отрицательные последствия девиаций, такие как вредное влияние на психику, организм и др.).

- *позитивная* (усиление защитных факторов личности, воспитание личностно развитого, устойчивого к влиянию внешних негативных факторов человека, способного противостоять множественным факторам риска). К этой стратегии относится развитие и формирование у подростков конструктивных стратегий поведения.

¹ Ничишина Т. В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних в школе и семье. – Минск : Национальный институт образования, 2018. – 248 с.

Согласно позиции Всемирной организации здравоохранения, выделяют первичную, вторичную и третичную профилактику.

Первичная профилактика предполагает устранение неблагоприятных факторов и повышение устойчивости личности к влиянию этих факторов. *Вторичная профилактика* – это раннее выявление и коррекция неблагоприятных индивидуальных и социальных факторов, с большой вероятностью вызывающих деструктивное поведение. *Третичная профилактика* направлена на предупреждение рецидивов, а также вредных последствий уже сформированного деструктивного поведения. Эти формы профилактики взаимосвязаны, дифференцировать их довольно сложно.

Ю. А. Клейберг¹ выделяет ряд принципов профилактической работы с подростками с деструктивным поведением:

- «комплексность (организация воздействия на различных уровнях социального пространства, семьи и личности);
- адресность (учет возрастных, половых и социально-психологических характеристик);
- массовость (приоритет групповых форм работы);
- позитивность информации;
- минимизация негативных последствий;
- личная заинтересованность и ответственность участников;
- максимальная ответственность личности;
- устремленность в будущее (оценка последствий поведения, актуализация позитивных ценностей и целей, планирование будущего без деструктивного поведения)»².

Исследователи³ выделяют несколько форм психопрофилактической работы:

¹ Клейберг Ю. А. Девиантное поведение в вопросах и ответах : учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., стер. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2008. – 304 с.

² Клейберг Ю. А. Девиантное поведение в вопросах и ответах : учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., стер. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2008. – С. 263.

³ Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов. – М. : Сфера, 2003. – 160 с; Беличева С. А. Превентивная психология в подготовке социальных педагогов и психосоциальных работников : учеб. пособие / С. А. Беличева. – СПб. : Питер, 2012. – 336 с; Змановская Е. В. Девиантология : (Психология отклоняющегося поведения) : учебное пособие. – М. : Академия, 2003. – 228 с.

1. *Организация социальной среды.* В основе этой формы работы лежат представления о детерминирующем влиянии окружающей среды на формирование девиаций и, соответственно, о том, что воздействие на социальные факторы способствует предотвращению нежелательного поведения личности. Воздействие может быть направлено на семью, социальную группу, школу, класс или конкретную личность, а также на общество в целом, например, через создание негативного общественного мнения по отношению к деструктивному поведению. В рамках данной модели профилактика зависимого поведения у подростков включает прежде всего социальную рекламу по формированию установок на здоровый образ жизни и трезвость. Особое значение имеет политика средств массовой информации.

2. *Информирование* предполагает воздействие на когнитивные процессы личности с целью повышения ее способности к принятию конструктивных решений через организацию лекций, бесед, распространение специальной литературы, видео- и телефильмов и пр.

3. *Активные методы обучения социально-важным навыкам,* как правило, в форме групповых тренингов. Распространены следующие типы тренингов:

- тренинг устойчивости к негативному социальному влиянию. В ходе тренинга изменяются установки на деструктивное поведение, формируются навыки распознавания рекламных стратегий, развивается способность говорить «нет» в случае давления сверстников;

- тренинг обучения. Основан на представлении, что деструктивное поведение непосредственно связано с эмоциональными нарушениями. Для предупреждения данной проблемы подростков обучают распознавать эмоции, выражать их приемлемым образом и продуктивно справляться со стрессом. В ходе групповой психологической работы также формируются навыки принятия решения, повышается самооценка, стимулируются процессы самоопределения и развития позитивных ценностей;

- тренинг формирования жизненных навыков. Под жизненными навыками понимают наиболее важные социальные умения личности. Прежде всего это умение общаться, поддерживать дружеские связи и конструктивно разрешать конфликты.

Данная модель является одной из наиболее перспективных в работе с подростками.

4. *Организация деятельности, альтернативной деструктивному поведению.* Эта форма работы связана с представлением о заместительном эффекте деструктивного поведения, она реализуется практически во всех программах оказания помощи в случаях уже сформированного деструктивного поведения.

5. *Организация здорового образа жизни.* Данная форма исходит из представлений о личной ответственности за здоровье, гармонию с окружающим миром и своим организмом. Умение человека достигать оптимального состояния и успешно противостоять неблагоприятным факторам среды считается особенно ценным.

6. *Активизация личностных ресурсов* связана с возможностью самовыражения, участием в группах общения и личностного роста, что обеспечивает активность личности, формирует устойчивость к негативным внешним воздействиям. Активное занятие подростков спортом, их творческое самовыражение активизируют личностные ресурсы.

7. *Минимизация негативных последствий деструктивного поведения.* Данная форма используется в случаях уже сформированного деструктивного поведения и направлена на профилактику рецидивов или их негативных последствий.

Поскольку проблема подростка, требующая разрешения, имеет и внутренние, личностные, и внешние аспекты, работа специалистов обычно включает три составляющие:

1) непосредственную (индивидуальную) работу с подростком, предполагающую психолого-педагогическую поддержку. В условиях общеобразовательной школы взаимодействие психолога, социального педагога с учащимися носит чаще всего индивидуальный характер, каждая встреча содержит элементы диагностики и консультирования;

2) работу с педагогическим коллективом (индивидуальная работа с педагогами, участие в работе Совета по профилактике, рабо-

та в составе Психолого-медико-педагогической комиссии и т. п.). Основной задачей в работе с педагогами является формирование толерантности в отношении ребенка (подростка);

3) работу с семьей, направленную на развитие психологической компетентности родителей, развитие мотивационного и воспитательного ресурса, оптимизацию детско-родительских отношений.

Работа с родителями строится с использованием приемов семейного консультирования и семейной психотерапии, которая представляет собой обучение родителей элементам психологической культуры в общении с подростками; опосредованное влияние на процесс социализации детей.

Приоритеты работы инспектора по делам несовершеннолетних, психолога, социального педагога:

- Раннее выявление детей, нуждающихся в индивидуальном психологическом, социально-педагогическом сопровождении.

- Создание психологически безопасной образовательной среды в учреждении, гуманное отношение к детям и подросткам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

- Охрана и защита прав несовершеннолетних.

- Взаимодействие со службами (в школе и вне школы), которые могут и будут помогать специалисту в решении проблем детей, нуждающихся в психолого-педагогической помощи.

- Работа школьного совета профилактики по профилактике правонарушений среди обучающихся.

- Профорientационная работа и трудоустройство обучающихся.

- Социально-правовое просвещение педагогов, обучающихся и родителей, профилактика конфликтов, правонарушений и наркозависимости.

- Систематическое проведение мониторинга эффективности профилактической и коррекционно-развивающей работы.

Кроме того, для профилактики поведенческих нарушений у несовершеннолетних и формирования продуктивных стратегий совладания с трудными ситуациями целесообразно следующее.

Психологу необходимо:

1) стимулировать у подростков умение самостоятельно принимать решения, отслеживать свое внутреннее состояние и контролировать его изменения, развивать самоконтроль и планирование своей деятельности;

2) развивать познавательные психические процессы; выработать уверенность в себе; помочь в раскрытии своих способностей; научить открыто говорить о своих чувствах и желаниях, предпочтениях и склонностях; помочь освоить способы конструктивного общения в ситуации конфликта; выработать способы и навыки саморегуляции в стрессовых ситуациях.

Педагогам необходимо:

1) избегать в учебно-воспитательном воздействии методов, провоцирующих негативные реакции;

2) учебно-воспитательную работу строить, учитывая особенности учебной деятельности подростков, а также тот факт, что на продуктивную работу школьников часто влияет моделирование значимых условий, что проявляется в психических процессах, которыми обеспечивается деятельность.

Родителям необходимо:

1) прислушиваться к мнению своего ребенка, видеть в нем друга, помнить, что он – уже фактически сложившаяся личность со своими мнениями, оценками, суждениями и интересами. Родителям важно знать и помнить, что любой ребенок ценит их заинтересованность в его делах и планах. Важно принимать его таким, какой он есть, учитывая его индивидуальные и половые особенности. Необходимо формировать готовность обсуждать с детьми все спорные и конфликтные ситуации;

2) воспитывая волевые черты характера, большое внимание уделять воспитанию выносливости и самообладания; развивать

способность ребенка к целеполаганию, определению жизненных приоритетов; развивать чувство уверенности в себе и направленность на успех.

Стоит учесть, что педагогическая профилактика деструктивного поведения должна быть направлена не на все особенности личности и факторы деструктивного характера, а лишь на те, которые именно в данной ситуации могут сыграть ключевую роль в формировании решения совершить преступление. Нельзя забывать и о том, что одни и те же факторы могут по-разному влиять на личность и формирование деструктивных установок. Определяя направления педагогической профилактики, важно четко определить степень и характер воздействия этих факторов на пользователя и его микросреду.

В процессе развития социальных медиа отсутствие должного правового регулирования и контроля со стороны государства во многом способствовало формированию среди пользователей чувства безнаказанности и вседозволенности при их использовании. Вследствие этого одной из первостепенных задач педагогической профилактики должно являться формирование у пользователей установок на соблюдение правовых норм при использовании социальных медиа.

Достижению задач индивидуального предупреждения деструктивного поведения в социальных медиа должны служить непосредственно меры воздействия, которые условно можно разделить на три группы:

- меры убеждения;
- меры оказания помощи;
- меры принуждения.

Основными формами убеждения являются беседы (ознакомительная, предупредительная и воспитательная), вовлечение пользователей в социально полезные занятия (трудового, общественного, спортивного, самодеятельного и иного характера), установление над ними шефства, их правовое воспитание. Все они

должны быть направлены на изменение антиобщественной направленности личности пользователя и закрепление ее положительной социальной ориентации.

Под правовым воспитанием несовершеннолетних понимается осуществляемый специально уполномоченными на то субъектами комплекс мер по передаче либо распространению информации о состоянии общественной безопасности и уровне преступности, направленный на привитие несовершеннолетним устойчивой психологической привычки соблюдения требований нормативных правовых актов с целью формирования индивидуальной, групповой и общественной правовой культуры¹.

Особенностью форм убеждения является то, что их реализация возможна в самих социальных медиа. Данное обстоятельство позволяет уменьшить людские и временные ресурсы при реализации мер педагогической профилактики. Ключевыми субъектами убеждения в социальных медиа должны выступать общественные организации, правоохранительные органы (инспекции по делам несовершеннолетних, подразделения «К», подразделения по контролю за оборотом наркотиков, подразделения по противодействию экстремизму), органы местного самоуправления. Не исключено и участие администрации социальных медиа в качестве субъекта профилактического воздействия.

Наиболее простым примером реализации форм убеждения в социальных медиа может являться создание сообщества от имени субъекта предупреждения и рассылка объектам воздействия сообщений, описывающих отрицательные последствия ознакомления с негативным контентом, указывающих на запрет его распространения в социальных медиа, а также разъясняющих ответственность за противоправные деяния в указанной сфере. Стоит отметить, что обычная беседа в социальной сети как форма убеж-

¹ Занина Т. М., Рыдченко К. Д., Лукина Е. И. Организация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в сфере защиты детей от вредоносной информации : учебное пособие – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2016. – С. 36.

дения способна привести к положительному результату лишь на начальной стадии формирования негативных установок личности. В остальных же случаях при проведении бесед необходимо использовать такие приемы, как заражение или внушение, которые способны воздействовать на эмоциональную сферу личности пользователя на подсознательном уровне. Напомним лишь, что они состоят из четырех основных этапов: вовлечение в контакт, использование фоновых факторов, воздействие на определенную особенность личности и побуждение к действию. Положительный эффект педагогической профилактики усиливается, если субъект, осуществляющий воздействие, пользуется доверием и обладает авторитетом у пользователя.

Вовлечение пользователей в социально полезные занятия может заключаться в проведении в социальных медиа субъектами профилактики разнообразных фото- и видео конкурсов (например, спортивных достижений пользователя), правовых викторин, целью которых будет являться ослабление влияния деструктивных факторов, формирование информационного правосознания, и снижение уровня виктимности. Необходимым условием является систематичность проведения подобного рода мероприятий, а также их ненавязчивый характер, поскольку пользователь не должен воспринимать указанные мероприятия как исправительные.

Безусловно, меры убеждения при педагогической профилактике деструктивного поведения в социальных медиа могут и должны осуществляться и в реальном мире. Ключевое отличие при этом заключается в субъектах воздействия. Здесь на первый план выходят родители несовершеннолетнего пользователя и школа. Следует учитывать, что эффективность предупреждения индивидуального преступного поведения может быть достигнута в «результате кропотливой воспитательной работы, умелого использования средств и методов педагогики, социальной психологии, нравственного правового и профессионального воспитания, иными словами, комплексным применением средств и методов

воспитания»¹. В свою очередь, родители, школьные педагоги и психологи не всегда способны определить необходимость применения мер педагогической профилактики деструктивного поведения в социальных медиа, не обладают современными приемами и методами предупреждения противоправного поведения в социальных сетях. Для устранения подобной проблемы необходимо разработать и внедрить действенный механизм взаимодействия: правоохранительные органы и общественные организации должны сообщать родителям и педагогам информацию о необходимости применения в отношении несовершеннолетнего пользователя профилактического воздействия, совместно определить степень и методы такого воздействия. Частным примером такого взаимодействия может служить алгоритм социальной сети Facebook, предназначенный для выявления пользователей, которые находятся в зоне риска и могут совершить самоубийство. Алгоритм способен выявлять признаки склонности к суициду в публикациях пользователей, а также в комментариях, которые оставляют к ним их друзья. После того как выводы алгоритма о возможных проблемах пользователя подтверждаются представителями специальной команды сотрудников Facebook, компания связывается с пользователем (либо с его ближайшими родственниками) и предлагает способы получения помощи.

Метод оказания помощи традиционно считается одним из самых эффективных в деятельности субъектов профилактики деструктивного поведения. Одной из задач оказания помощи помимо ослабления деструктивных установок должно являться уменьшение проводимого в социальных медиа времени объектом воздействия, нейтрализация источников вредоносной информации. Меры помощи должны осуществляться путем оказания воздействия на социальную микросреду объекта. Причем источники отрицательного влияния могут быть как в реальном мире, так и в социальных медиа. Для исключения негативного влияния необходимо прово-

¹ Симоненко А. В. Криминологические проблемы воспитания и его роль в предупреждении преступлений : дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2005. – С. 181.

дять мероприятия, направленные на формирование у несовершеннолетнего отрицательного отношения к деструктивному поведению как с его стороны, так и со стороны окружающих. Основными субъектами реализации мер помощи должны выступать общественные организации и органы местного самоуправления.

В ситуациях, когда меры убеждения и помощи заранее малоэффективны или не дали ожидаемого результата, следует прибегать к мерам принуждения. Говоря о мерах принуждения, необходимо отметить, что главным субъектом воздействия здесь выступают правоохранительные органы. Что же касается мер принуждения, реализуемых в социальных медиа, то помимо правоохранительных органов в качестве субъектов могут выступать специализированные государственные органы, осуществляющие контроль в сфере массовых коммуникаций за соблюдением законодательства о защите несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также отвечающие за развитие сети Интернет.

К ним относятся:

- Министерство связи и массовых коммуникаций РФ;
- Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций;
- Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Меры принуждения должны осуществляться в строгом соответствии с законодательством, поскольку ограничивают права человека. Они позволяют пресечь противоправную деятельность, тем самым защитить пользователей от общественно опасных последствий.

К основным мерам принуждения можно отнести:

- блокировку пользователя или сообщества для предотвращения антиобщественного поведения одного или нескольких пользователей;
- постановку на учет с целью контроля интернет-активности;

- привлечение к административной ответственности (в виде наложения штрафа) с целью предупреждения более серьезных правонарушений.

Кроме того, мы считаем перспективной идею закрепления возможности постановки на профилактический учет лиц, в том числе родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, умышленно допускающих детей к информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Такое положение целесообразно закрепить в Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 года № 845.

Подводя итог рассмотренным особенностям педагогической профилактики деструктивного поведения в социальных медиа, необходимо еще раз отметить, что помимо объекта педагогической профилактики деструктивного поведения, в роли которого выступают пользователи, чье сетевое поведение свидетельствует о вероятном совершении ими деструктивного деяния, меры воздействия в социальных медиа необходимо осуществлять в отношении «потребителей» противоправного контента. Указанные меры воздействия должны быть направлены на снижение спроса на противоправный контент, что сделает процесс распространения подобной информации практически бессмысленным. Кроме того, педагогическая профилактика должна осуществляться и в отношении несовершеннолетних пользователей с повышенной виктимностью. В данном случае основная цель профилактики – формирование у несовершеннолетних пользователей навыков противостояния информационным угрозам в социальных медиа.

В состав субъектов, осуществляющих педагогическую профилактику деструктивного поведения в социальных медиа, входят правоохранительные органы, общественные организации, специализированные государственные органы, семья, школа и др. С учетом существующих проблем нами предложены наиболее оптимальные формы педагогической профилактики в социальных медиа с учетом специфики сетевой среды, определен механизм их реализации.

Необходимо разрабатывать и внедрять действенные механизмы взаимодействия: правоохранительные органы и обществен-

ные организации должны сообщать родителям и педагогам информацию о необходимости применения в отношении несовершеннолетнего пользователя профилактического воздействия, совместно определять степень и методы такого воздействия.

2.3. Информационная культура как цель педагогической профилактики правонарушений и деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа

Как уже отмечалось, важной составляющей профилактики является привитие новых знаний субъектам общественных отношений, возникающих в социальных медиа, направленных на формирование информационного мировоззрения, навыков информационной безопасности, развитие критического мышления и антиманипулятивных качеств.

Различным аспектам информационной культуры посвящены работы А. А. Безрукова и Н. П. Безруковой, М. Г. Вохрышевой, О. Е. Никитиной, Н. М. Розенберга др. Наиболее полную и точную трактовку информационной культуры в своём исследовании приводит О. Е. Никитина, понимая её как «одну из граней общей культуры человека, необходимой ему для функционирования в информационном мире и эффективного выполнения должностных обязанностей; ... постоянно развивающуюся систему знаний, умений, навыков специалиста в области поиска, анализа, творческой обработки полученной информации применительно к целям профессиональной деятельности»¹.

Для того чтобы лучше раскрыть сущность информационной культуры, необходимо раскрыть ее структуру и уровни её сформированности.

¹ Никитина Е. О. Педагогические условия развития информационной культуры курсантов образовательных учреждений : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2015. – С. 21.

Учитывая специфику и функции компонентов в структуре информационной культуры, в психолого-педагогической литературе выделяют когнитивный, мотивационно-ценностный и действенно-практический компоненты.

Когнитивный компонент информационной культуры заключается в наличии знаний, позволяющих несовершеннолетним пользователям без каких-либо трудностей осуществлять информационную деятельность. Данный компонент включает умение ставить информационно-поисковые цели; структурировать, анализировать, обобщать, интерпретировать и продуцировать собственные выводы; осуществлять коммуникацию в информационной среде. Проявляется данный компонент в наличии способности к анализу и обобщению информации, информационного тезауруса, кругозору и эрудиции, интернет-грамотности, информационной активности, лабильности мышления.

Мотивационно-ценностный компонент обусловлен наличием активного интереса к поиску и овладению информацией с помощью как традиционных, так и инновационных каналов её получения и, как следствие, стремления к постоянному саморазвитию и самосовершенствованию.

Данный компонент предполагает наличие мотивации обращения к разнообразным каналам информации, определённой степени удовлетворения потребности в новой информации, информационного этикета, правосознания, заключающегося в соблюдении «информационного» законодательства и отношении к деструктивному поведению в социальных медиа.

Действенно-практический компонент информационной культуры проявляется в способах и интенсивности поиска информации, её применении в повседневной деятельности, а также способах обработки, хранения и передачи новой информации.

Как отмечает О. Е. Никитина¹, информационная культура предполагает три уровня её формирования, отличающиеся между собой не количественным, а качественным содержанием элементов.

¹ Никитина Е. О. Педагогические условия развития информационной культуры курсантов образовательных учреждений : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2015. – С. 23.

Так, первый уровень – информационная грамотность – заключается в наличии умений информационного поиска, выбора и анализа необходимой информации для выполнения образовательных и повседневных задач.

Второй уровень – профессиональная информационная компетентность – предполагает наличие сформированных знаний об особенностях информационных потоков в сети Интернет, а также умение в них ориентироваться и грамотно использовать полученную информацию для решения повседневных задач.

Третий уровень – профессиональная информационная культура –, заключается в наличии сформированных знаний, умений, навыков применения современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий для поиска, анализа и применения информации, значимой для решения определенного круга задач в нестандартных ситуациях, а также информационного мышления и устойчивого интереса и потребности в саморазвитии личностно-профессиональных качеств в условиях информатизации и цифровизации всех сфер деятельности в целом.

Таким образом, информационная культура несовершеннолетнего представляет собой один из компонентов его общей культуры, являющийся на современном этапе развития общества ключевым фактором эффективного разрешения повседневных задач и жизненных ситуаций, а также обеспечения информационной безопасности.

М. Ф. Алиева указывает, что «переход мирового сообщества к информационному обществу требует изменения прежде всего сознания»¹. Современное общество представляет собой не что иное, как информационно-коммуникационную среду. В таких условиях человек обязан «научиться обрабатывать возрастающие объемы информации, так как от этого во многом зависит не только его социальный статус, но и ощущение внутреннего комфорта»².

¹ Алиева М. Ф. Личность в контексте современного информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 2. – С. 119.

² Емчик Л. Адаптация модели восприятия информации к процессу обучения // Педагогика и психология профессионального образования. – Киев, 2006. – Вып. 6. – С. 65.

Информационная культура является отражением информационного мировоззрения личности и реализуется через информационное поведение, которое, в свою очередь, также формируется в результате активного применения информационно-коммуникационных технологий в повседневной деятельности.

Анализ научных публикаций позволил нам прийти к выводу, что информационное мировоззрение рассматривается либо как неотъемлемая часть информационной культуры, либо как отдельное качество личности.

В научной литературе встречаются различные трактовки относительно понятия «информационное мировоззрение».

Оно рассматривается как:

- «владение методами анализа ситуаций, которые возникают в современном мире, исходя из собственного понимания возможностей информационного поля, собственных знаний и представлений»¹;

- «система взглядов человека на мир информации и место человека в нем, включающая в себя ценности, убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности»²;

- «осознание личностью ответственности за построение гармонического информационного сообщества»³.

В целом такое понимание информационного мировоззрения подразумевает формирование у несовершеннолетнего целостной картины мира, позволяющей адекватно воспринимать современные информационные изменения и осознавать себя частью информационно-коммуникационной среды.

С целью выявления сущности информационного мировоззрения нами был проведен контент-анализ содержательных компонентов информационного мировоззрения, так *информационные ресурсы* в качестве компонентов информационного мировоззрения выделяют С. Г. Антонова, Н. И. Гендина, С. Н. Касьянов, *принципы деятельности* – А. М. Атаян, О. Г. Басалаева, Н. Б. Зи-

¹ Гершунский Б. С. Образовательно-педагогическая прогностика: теория, методология, практика : учебное пособие. – М. : Наука, 2003. – С. 84.

² Басалаева О. Г. Информационное мировоззрение и культура современного общества // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 1. – С. 74.

³ Данильчук Е. В. Проблема формирования мировоззренческой компоненты информационной культуры личности при обучении информатике – Волгоград : ВГПУ ИТО, 2001. – С. 24.

новьева, С. В. Кошевенко, С. Н. Касьянов, *принцип убеждения* – А. М. Атаян, Н. И. Гендина, О. Г. Басалаева, *ценности* – С. Г. Антонова, О. Г. Басалаева, *идеалы и принципы познания* – А. М. Атаян, О. Г. Басалаева, *информационную этику* – А. М. Атаян, С. В. Кошевенко, *принципы мышления* – Н. Б. Зиновьева, С. Н. Касьянов.

Говоря об уровнях формирования информационного мировоззрения, мы основывались на результатах исследования Л. В. Астаховой¹ и С. Н. Касьянова².

В результате нами выделены следующие уровни информационного мировоззрения:

- информационно-потребительский – определяется наличием у человека минимальной базы знаний об информационно-коммуникационных технологиях, о негативном информационном воздействии, методах и способах противодействия такому воздействию, об элементарных нормах информационного поведения;

- информационно-репродуктивный – является следствием развития вышеуказанного уровня и дополнительно требует навыков интерпретации и трансляции информации. Данный уровень мировоззрения формируется в результате применения несовершеннолетними информационно-коммуникационных технологий и развития навыков продуцирования на основе полученной информации из различных источников нового продукта в виде информации, концептуально не отличающейся от источника;

- информационно-созидательный – является высшим уровнем информационного мировоззрения и определяется наличием системных знаний о принципах функционирования информационно-коммуникационной среды, о юридической и этической ответственности за распространение негативной, некачественной, заведомо ложной и т. п. информации, что, в свою очередь, позволяет несовершеннолетнему обеспечить информационную защищённость как себе, так и другим гражданам. Кроме того, данный уровень характеризуется наличием навыков создания новой информации.

¹ Астахова Л. В. Информационное мировоззрение: понятие и уровни // Вестник ЧГАКИ. – 2014. – № 4 (40). – С. 9–16.

² Касьянов С. Н. Методика формирования информационного мировоззрения будущего учителя информатики в педвузе // Современные проблемы преподавания математики и информатики. – М., 2005. – С. 83–88.

Как нами отмечалось выше, информационная культура несовершеннолетнего проявляется в его информационном поведении.

В современной литературе имеются следующие определения этого понятия:

- образ действий, совокупность усилий, предпринимаемых человеком для получения – усвоения и использования – создания нового знания, его передачи и распространения в обществе;

- действия, осуществляемые в информационном пространстве с соблюдением правовых и этических норм и др.

В целом компонентами информационного поведения являются мотивационный и деятельностный аспекты.

Мотивационный аспект информационного поведения состоит в том, что несовершеннолетние пользователи социальных медиа осознают ценность современных информационно-коммуникационных технологий, воспринимают их как неотъемлемую часть современной действительности.

Деятельностный аспект подразумевает наличие навыков получения, интерпретации, обмена, создания новой информации с помощью информационно-коммуникационных технологий различными способами с учётом требований этических норм и правил в информационно-коммуникационной среде.

Таким образом, весь воспитательный потенциал субъектов педагогической профилактики должен быть направлен на формирование у несовершеннолетнего:

- информационной культуры как одной из граней общей культуры;

- информационного мировоззрения личности обучающегося в условиях информационного общества (взгляды на мир информации и место человека в нем; ценности, убеждения, идеалы);

- коммуникативной культуры, представляющей собой элемент профессиональной культуры (совокупность умений и навыков общения, ценностных установок, культура речи);

- информационного поведения личности в информационном пространстве (умения и навыки осуществления информационных операций, оперирования информацией на основе соблюдения правовых и этических норм).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами определены три группы объектов воздействия, в отношении которых необходимо проводить педагогическую профилактику, и соответствующие им три направления профилактического воздействия:

- несовершеннолетние пользователи, в отношении которых есть основания полагать, что они способны проявлять деструктивное поведение в социальных медиа (индивидуальная профилактика);

- пользователи, являющиеся «потребителями» результатов деструктивного поведения, но не являющихся жертвами этих преступлений (индивидуальная профилактика «потребления» результатов деструктивной деятельности);

- несовершеннолетние пользователи, в отношении которых вполне вероятно совершение деструктивных действий в социальных медиа (индивидуальная виктимологическая профилактика).

Деструктивное поведение подростков выступает одной из острейших социальных проблем нашего времени. Особую тревогу вызывает не только растущая отчужденность, повышенная тревожность, духовная опустошенность детей, но и их жестокость, агрессивность. Теоретический анализ психологических и педагогических исследований показывает, что деструктивное поведение – понятие социально-психологическое, так как обозначает форму активности личности, вызывающую неприятие или разрушение функционирующих структур.

К отклоняющемуся поведению относятся различные действия подростков агрессивного, антисоциального, аддиктивного характера, различные правонарушения (и даже преступления) и такие типично подростковые реакции, как реакция оппозиции, реакция группирования со сверстниками.

Характер деструктивного поведения несовершеннолетнего зависит от того, как он научен отвечать на возникающие трудно-

сти – путем созидательных или разрушительных действий, каким образом общество, макро- и микросоциум стимулируют социально-инновационные, созидательные действия личности или же, наоборот, не стимулируют их.

Необходима системная и целенаправленная работа взаимодействующих с несовершеннолетним взрослых, направленная на формирование у него информационной культуры как части общей культуры, что проявляется в способности к самостоятельному принятию решений; целеполаганию, самоконтролю и планированию деятельности; освоении способов конструктивного общения в конфликте; выработке навыков саморегуляции в стрессовых ситуациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева, М. Ф. Личность в контексте современного информационного общества / М. Ф. Алиева. – текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 2. – С. 5.

2. Алиева, С. Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Алиева Светлана Юрьевна : Кубанский государственный аграрный университет. – Махачкала, 2014. – текст : непосредственный.

3. Андриенко, А. В. Социальная психология / А. В. Андриенко – Москва : Академия, 2000. – текст : непосредственный.

4. Антонова, И. М. Информационная культура личности как новая учебная дисциплина и новое направление культурологических исследований / И. М. Антонова, Ю. С. Зубов. – текст : непосредственный // Информатизация и проблемы гуманитарного образования : тез. докл. междунар. науч. конфер. / Краснодар – Новороссийск, 14-15 сент. 1995 г. – Краснодар, 1995.

5. Антонян, Ю. М. Криминология : избранные лекции / Ю. М. Антонян. – Москва, 2004. – текст : непосредственный.

6. Антонян, Ю. М. Причины корыстной преступности / Ю. М. Антонян. – текст : непосредственный // Вестник ВИ МВД России. – 2010. – № 4. – С. 7–13.

7. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – Москва : Юристъ, 2008. – текст : непосредственный.

8. Антонян, Ю. М. Состояние и особенности сексуальной преступности : учебное пособие / Ю. М. Антонян, М. И. Могачев. – Москва : ВНИИ МВД России, 2004. – текст : непосредственный.

9. Антонян, Ю. М. Причины преступности в России / Ю. М. Антонян, Е.М. Тимошина // ФГКУ «ВНИИ МВД России». – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. – текст : непосредственный.

10. Антонян, Ю. М. Личность преступника: криминологическое психологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – Москва, 2010. – текст : непосредственный.

11. Аракелян, Л. К. Проблема зависимости молодёжи от социальных сетей / Л. К. Аракелян. – текст : непосредственный // Вестник СМУС74. – 2014. – № 1. – С. 5–6.

12. Асманова, Л. Р. Влияние социальных сетей на сознание подростков / Л. Р. Асманова. – текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С. 74.

13. Астахова, Л. В. Информационное мировоззрение: понятие и уровни / Л. В. Астахова. – текст : непосредственный // Вестник ЧГАКИ. – 2014. – № 4 (40). – С. 9–16.

14. Атаян, А. М. Дидактические основы формирования информационной культуры личности в условиях информатизации общества : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Атаян Ануш Михайловна. – Северо-Осетинский гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2001. – текст : непосредственный.

15. Афанасьев, Ю. В. На 85% все заболевания имеют психическую основу / Ю. В. Афанасьев // URL: <http://www.cherinfo.ru/news/73855> (дата обращения: 06.09.2022 г). – текст : электронный.

16. Бажин, Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве / Д. А. Бажин // URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=2091> (дата обращения: 10.10.2022). – текст : электронный.

17. Басалаева, О. Г. Информационное мировоззрение и культура современного общества / О. Г. Басалаева. – текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 1. – С. 73–76.

18. Беличева, С. А. Превентивная психология в подготовке социальных педагогов и психосоциальных работников : учеб. по-

собие / С. А. Беличева. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – текст : непосредственный.

19. Безрукова, Н. П. О развитии исследовательской компетенции учащихся и магистрантов по направлению подготовки «Педагогическое образование» в сетевом исследовательском сообществе / Н. П. Безрукова, А. А. Безруков. – текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2015. – № 11. – С. 22–27.

20. Блувштейн, Ю. Д. Понятие личности преступника / Ю. Д. Блувштейн. – текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1979. – № 8. – С. 97–102.

21. Бомбим и твиттерим // URL: <http://navoine.info/bomb-and-twitt-them-all.html> (дата обращения: 05.11.2022). – текст : электронный.

22. Борисова, О. В. Интернет-зависимость среди студентов России и Германии / О. В. Борисова, А. А. Игнатьева. – текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – 76 с.

23. Бочаров, Ю. Киберпреступность и кибертерроризм. Новая глобальная угроза государственному строю / Ю. Бочаров // URL: <http://www.elections-ices.org/russian/publications/textid:12835> (дата обращения: 28.01.2022 г). – текст : электронный.

24. Букалерева, Л. А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Л. А. Букалерева. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – текст : непосредственный.

25. В RRC рассказали о расценках киберпреступников // URL: <http://www.computerworld.ru/news/V-RRC-rasskazali-o-rastsenkah-kiberprestupnikov> (дата обращения: 26.04.2022). – текст : электронный.

26. В Гусеве школьницы жестоко избивали девочку и выложили видео в интернет // URL: <http://www.klops.tv/video/incidents/izbienie/> (дата обращения: 10.03.2022 г). – текст : электронный.

27. Валеев, А. Х. Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Ин-

тернет : методические рекомендации / А. Х. Валеев, А. Н. Данилко ; под ред. Ф. Б. Мухаметшина. – Уфа : УЮИ МВД России, 2012. – текст : непосредственный.

28. Введенская, О. Ю. Характеристика личности интернет-преступников / О. Ю. Введенская. – текст : непосредственный // Вестник КРУ МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 116–118.

29. Вехов, В. Б. Компьютерные преступления: Способы совершения и раскрытия / В. Б. Вехов. – Москва, 1996. – текст : непосредственный.

30. Волчинская, Е. К. Интернет и право: состояние и перспективы правового регулирования / Е. К. Волчинская. – текст : непосредственный // Информационное право. – 2005. – № 1. – С. 13–16.

31. Воронцова, С. В. Киберпреступность: проблемы квалификации преступных деяний / С. В. Воронцова – текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 14–16.

32. Вохрышева, М. Г. Книга в системе медиа / М. Г. Вохрышева. – текст : непосредственный // Библиосфера. – 2020. – № 1. – С. 5–11.

33. Гаухман, Л. Мошенничество: новеллы уголовного законодательства / Л. Гаухман. – текст : непосредственный // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 25–27.

34. Гендина, Н. И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации / Н. И. Гендина. – текст : непосредственный // Библиосфера. – 2005. – № 1. – С. 55–62.

35. Гершунский Б. С. Образовательно-педагогическая прогностика: теория, методология, практика : учебное пособие / Б. С. Гершунский. – Москва : Наука, 2003. – текст : непосредственный.

36. Гишинский, Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гишинский. – Санкт-Петербург, 2009. – текст : непосредственный.

37. Гишинский Я. И. Опасный новый мир / Я. И. Гишинский // URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-10-03/5_virtual.html (дата обращения: 18.04.2022). – текст : электронный.

38. Гринькова, Е. А. Особенности самопрезентации молодежи юга России в социальных сетях / Е. А. Гринькова. – текст : непосредственный // Science Time. – 2014. – № 12 (12). – С. 133–143.

39. Данильчук, Е. В. Проблема формирования мировоззренческой компоненты информационной культуры личности при обучении информатике / Е. В. Данильчук. – Волгоград : ВГПУ ИТО, 2001. – текст : непосредственный.

40. Дашян, М. С. Обзор Конвенции Совета Европы о киберпреступности / М. С. Дашян. – текст : непосредственный // Современное право. – 2002. – № 11. – С. 20–24.

41. Девушка, вербовавшая смертников в соцсетях, получила 3,5 года // URL: <http://checheninfo.ru/16646-devushka-verbovavshaya-smertnikov-v-socsrtyah-poluchila-35-goda.html> (дата обращения: 05.04.2022 г). – текст : электронный.

42. Думан, Е. Д. Особенности личности наркопреступника, больного наркоманией / Е. Д. Думан. – текст : непосредственный // Вестник ВУиТ. – 2013. – № 2 (78). – С. 48–55.

43. Емчик, Л. Адаптация модели восприятия информации к процессу обучения / Л. Емчик. – текст : непосредственный // Педагогика и психология профессионального образования. – Киев, 2006. – Вып. 6. – С. 60–71.

44. Жукова, Д. А. Методы воздействия на общественное сознание в детских СМИ / Д. А. Жукова. – текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 4. – С. 17–22.

45. Занина, Т. М. Организация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в сфере защиты детей от вредоносной информации : учебное пособие / Т. М. Занина, К. Д. Рыдченко, Е. И. Лукина. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2016. – текст : непосредственный.

46. Зверанская, Л. П. Интернет-зависимость как основная причина развития киберпреступности / Л. П. Зверанская. – текст :

непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2015. – № 17. – С. 239–243.

47. Зверев, А. Л. Социальные сети как инструмент политического манипулирования (на примере организации массовых протестов в Гонконге 2014 г.) / А. Л. Зверев, А. П. Федоров. – текст : непосредственный // Вестник БГУ. – 2015. – № 7. – С. 149–154.

48. Зиновьева, Н. Б. Информационная культура личности. Введение в курс : учеб. пособие для вузов культуры и искусства / Н. Б. Зиновьева ; под ред. И. И. Горловой; Краснодар. гос. акад. культуры. – Краснодар, 1996. – текст : непосредственный.

49. Змановская, Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) : учебное пособие / Е. В. Змановская. – Москва : Академия, 2003. – текст : непосредственный.

50. Игошев, К. Е. Типология преступников и мотивация преступного поведения / К. Е. Игошев. – Горький, 1974. – текст : непосредственный.

51. Из приговора Карачевского районного суда Брянской области // URL: <https://rospravosudie.com/court-karachevskij-rajonnyj-sud-bryanskaya-oblast-s/act-470002383/> (дата обращения: 08.02.2022). – текст : электронный.

52. Из приговора Ленинского районного суда г. Пензы // URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-penzy-penzenskaya-oblast-s/act-101646030/> (дата обращения: 15.01.2022). – текст : электронный.

53. Из приговора Тихорецкого городского суда Краснодарского края // URL: <https://rospravosudie.com/court-tixoreckij-gorodskoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-455229117/> (дата обращения: 15.01.2022). – текст : электронный.

54. Интернет-торговля вытесняет традиционные магазины // URL: <http://rg.ru/2015/02/03/torgovlya.html> (дата обращения: 15.05.2022 г.). – текст : электронный.

55. Википедия : интернет-энциклопедия // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет> (дата обращения: 28.09.2022). – текст : электронный.

56. Касперский заявил о краже данных сотен тысяч пользователей «ВКонтакте» // URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/09/10/2015/5617a9d19a79477d5a3458f1 (дата обращения: 13.10.2022). – текст : электронный.

57. Касьянов, С. Н. Методика формирования информационного мировоззрения будущего учителя информатики в педвузе / С. Н. Касьянов. – текст : непосредственный // Современные проблемы преподавания математики и информатики. – Москва, 2005. – 198 с.

58. Клейберг, Ю. А. Девиантное поведение в вопросах и ответах : учеб. пособие для вузов / Ю. А. Клейберг. – 2-е изд., стер. – Москва : НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – текст : непосредственный.

59. Клейберг, Ю. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов / Ю. А. Клейберг. – Москва : Сфера, 2003. – текст : непосредственный.

60. Козлов, В. Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью / В. Е. Козлов. – Москва, 2014. – текст : непосредственный.

61. Козлова, Н. С. Специфика лиц, проявляющих интерес к научно-популярным статьям по психологии в сети Интернет / Н. С. Козлова. – текст : непосредственный // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : сб. ст. по матер. XLVII Междунар. науч.-практ. конф. № 12(47). – Новосибирск : СибАК, 2014. – С. 227–230.

62. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н. Г. Салищевой // URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/416> (дата обращения: 15.10.2022). – текст : электронный.

63. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина // СПС «Гарант». – текст : электронный.

64. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. – Москва, 2008. – текст : непосредственный.

65. Компьютерный садист: личность интернет-тролля // URL: <http://inosmi.ru/world/20141022/223836526.html> (дата обращения: 25.01.2022) – текст : электронный.

66. Кондратьев, М. Ю. Азбука социального психолога-практика / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. – Москва : ПЕР СЭ, 2007. – текст : непосредственный.

67. Кошевенко, С. В. // Цифровая трансформация мировой экономики / С. В. Кошевенко. – текст : непосредственный // Экономический журнал. – 2018. – № 3 (51). – С. 77–91.

68. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – Москва, 2010. – текст : непосредственный.

69. Криминология и предупреждение преступлений / под ред. В. И. Авдийского. – Москва : Юрайт, 2017. – текст : непосредственный.

70. Криминология и профилактика преступлений : учебник / Г. А. Аванесов, А. И. Алексеев, Ю. М. Антонян и др. ; под ред. А. И. Алексеева – Москва : Изд-во ВШ МВД СССР, 1989. – текст : непосредственный.

71. Криминология : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. – Москва : Юнити-Дана ; Закон и право, 2007. – текст : непосредственный.

72. Кудрявцев, В. Н. Личность преступника / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юридическая литература, 1975. – текст : непосредственный.

73. Кульба, В. В. Информационное управление (предпосылки, методы и средства) / В. В. Кульба, В. Д. Малюгин, А. Н. Шубин. – текст : непосредственный // Проблемы управления. – 2003. – № 1. – С. 62–67.

74. Курындина, А. Н. Криминологическая классификация и типология личности лиц, совершающих преступления, связанные

с незаконным оборотом наркотических средств / А. Н. Курындина. – текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 3 (6). – С. 82–88.

75. Лаверычева, И. Г. Негативное влияние на психику подростков публичных демонстраций секса в масс-медиа / И. Г. Лаверычева // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/negativnoe-vliyanie-na-psihiku-podrostkov-publichnyh-demonstratsiy-seksa-v-mass-media> (дата обращения: 18.03.2022). – текст : электронный.

76. Лешкевич, Т. Г. Философия науки : учебное пособие / Т. Г. Лешкевич. – Москва, 2008. – текст : непосредственный.

77. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. Т. I : Общая часть : учебник для магистров / В. В. Лунеев. – Москва : Юрайт, 2015. – текст : непосредственный.

78. Лунеев, В. В. Мотивация преступного поведения / В. В. Лунеев. – Москва : Наука , 1991. – текст : непосредственный.

79. Лютых, С. Этот жестокий, опасный и безжалостный интернет / С. Лютых // URL: <http://lenta.ru/articles/2015/03/01/shantaz/> (дата обращения: 20.03.2022). – текст : электронный.

80. Магомедов, А. А. Несовершеннолетние как жертвы инфантосексуализма / А. А. Магомедов. – текст : непосредственный. // Криминальная виктимология: вчера, сегодня, завтра : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2012 г.) – Москва : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. – 272 с.

81. Менделевич, В. Д. Особенности девиантного поведения в интернет-пространстве / В. Д. Менделеевич. – текст : непосредственный // Практическая медицина. – 2013. – № 1 (66). – С. 143–146.

82. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // URL: <http://genproc.gov.ru/upload/iblock/a77/мет%20рек%20ПКИ.doc> (дата обращения: 21.10.2022). – текст : электронный.

83. Могилевский, А. Л. Истоки правонарушения: социально-психологический аспект / А. Л. Могилевский ; под ред. Б. С. Сарыева. – Ашхабад, 1987. – текст : непосредственный.

84. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : модельный закон // URL: // <http://www.lawmix.ru/abrolaw/1592> (дата обращения: 01.11.2022). – текст : электронный.

85. Названы худшие пароли 2015 года // URL: <http://rg.ru/2016/01/19/paroli-site.html> (дата обращения: 26.04.2022). – текст : электронный.

86. Негативное влияние информационных технологий на психоэмоциональное развитие детей // URL: <http://кцсон.рф/index.php/technolog/public/119-q-q> (дата обращения: 25.01.2022). – текст : электронный.

87. Никитина, Е. О. Педагогические условия развития информационной культуры курсантов образовательных учреждений : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Никитина Евгения Олеговна. – Москва, 2015. – текст : непосредственный.

88. Никулин, И. В. О практике противодействия незаконному обороту и пропаганде наркотических средств и иных психотропных веществ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / И. В. Никулин. – текст : непосредственный // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2013. – № 2 (13). – С. 46–50.

89. Ничишина, Т. В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних в школе и семье / Т. В. Ничишина. – Минск : Национальный институт образования, 2018. – текст : непосредственный.

90. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Рос. газета. – 2011. – 11 февраля. – текст : непосредственный.

91. Осипенко, А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы / А. Л. Осипенко. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – текст : непосредственный.

92. Пестерева, Ю. С. К вопросу о личности экстремиста / Ю. С. Пестерева. – текст : непосредственный // Вестник Омской юридической академии. – 2012. – № 2 (19). – С. 108-110.

93. Плати или не смотри // URL: <http://rg.ru/2014/11/17/zakon.html> (дата обращения: 22.03.2022). – текст : электронный.

94. Плешаков, В. А. Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве / В. А. Плешаков. – текст : непосредственный // Педагогическое образование и наука. – Москва, 2010. – № 1. – С. 27–31.

95. Плешаков, В. А. Киберонтология и психология безопасности информационной сферы: аспект киберсоциализации человека в социальных сетях Интернет-среды / В. А. Плешаков. – текст : непосредственный // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2010. – Вып. 4(19). – С. 131–141.

96. Поводыри слепых – кто уходит в леса и пустыни, чтобы искать простые ответы на сложные вопросы? // URL: <http://www.1tv.ru/news/social/276867> (дата обращения: 05.04.2022 г). – текст : электронный.

97. Повышев, В. Борьба с киберпреступностью и кибертерроризмом / В. Повышев // URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=4149&print=1&more=1> (дата обращения: 28.03.2022). – текст : электронный.

98. Подростки выложили в Сеть видео избиения пенсионерки // URL: <http://lifenews.ru/news/139285> (дата обращения: 10.05.2022). – текст : электронный.

99. Польшиков, А. В. Криминологическая характеристика лиц, совершающих изготовление и оборот детской порнографии в сети «Интернет» / А. В. Польшиков. – текст : непосредственный // Общество и право. – 2009. – № 3 (25). – С. 190–194.

100. Польшиков, А. В. Предупреждение преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети «Интернет» : монография / А. В. Польшиков ; под науч. ред. В. А. Лелекова. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – текст : непосредственный.

101. Поляков, В. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений / В. В. Поляков. – текст : непосредственный // Известия АлтГУ. – 2015. – № 2 (86). – С. 83-86.

102. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // СПС «Консультант-Плюс». – текст : электронный.

103. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / под ред. Э. Г. Липатова, С. Е. Чаннова. – Москва, 2008. – текст : непосредственный.

104. Расследование Би-би-си: в Facebook есть группы педофилов // URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160212_facebook_paedophiles_groups (дата обращения 10.05.2022 г). – текст : электронный.

105. Рассолов, И. М. Право и Интернет: теоретические проблемы / И. М. Рассолов. – 2 изд., доп. – Москва : Норма. – текст : непосредственный.

106. Резник, Г. М. Криминологическая профилактика и социальное планирование / Г. М. Резник. – текст : непосредственный. // Вопросы борьбы с преступностью. – 1979. – Вып. 31. – С. 17–30.

107. Решение по уголовному делу 1-234/2012 // URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-kirova-kirovskaya-oblast-s/act-401770650/> (дата обращения: 02.11.2022). – текст : электронный.

108. Розенберг, Н. В. Культура повседневности: методология исследования : монография / Н. В. Розенберг ; М-во образо-

вания и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Тамбовский гос. ун-т имени Г. Р. Державина». – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2010. – текст : непосредственный.

109. Романова, Н. М. Типология современных мошенников: фрустраторы и мотивировки / Н. М. Романова, Е. А. Сплошнова, К. А. Киселев. – текст : непосредственный. // СИСП. 2013. – № 9 (29). – 86 с.

110. Россия занимает 1-е место в мире по жалобам детей на кибербуллинг // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2943084> (дата обращения: 10.03.2022). – текст : электронный.

111. Руденко, К. И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социо-коммуникативных трансформаций начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. социол. наук. : 22.00.04 / Руденко Константин Игоревич. – Краснодар, 2015. – текст : непосредственный.

112. Русаков, И. М. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество в сфере предоставления интернет-услуг / И. М. Русаков. – текст : непосредственный // Вестник КРУ МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 206–208.

113. Савельев, А. И. Психологические особенности личности несовершеннолетних с противоправным поведением / А. И. Савельев. – текст : непосредственный // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 2. – С. 54–56.

114. Сарычева, И. В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности / И. В. Сарычева. – текст : непосредственный // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 220–224.

115. Сашенков, С. А. Информационно-коммуникационные технологии как средство формирования профессионально-личностных качеств: пути развития в системе МВД России / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Общественная безопасность. – 2019. – № 5-3. – С. 305–309.

116. Сашенков, С. А. К вопросу о педагогической профилактике правонарушений в социальных медиа / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 2022. – С. 286–288.

117. Сашенков, С. А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 3. – С. 215–219.

118. Сашенков, С. А. Криминологические особенности личности преступника, совершающего преступления в социальных сетях / С. А. Сашенков, А. Л. Стефанский. – текст : непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 4 (50). – С. 32–38.

119. Сашенков, С. А. Некоторые аспекты формирования безопасного контента социальных сетей / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, – 2020. – № 1 (6). – С. 94–97.

120. Сашенков, С. А. Некоторые криминологические особенности неправомерного доступа к социальным сетям / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – 2016. – № 1. – С. 126–130.

121. Сашенков, С. А. Некоторые проблемы предупреждения экстремизма в социальных сетях / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2016. – С. 291–295.

122. Сашенков, С. А. О некоторых вопросах предупреждения оборота порнографического контента в социальных сетях /

С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних, 2019. – № 1 (6). – С. 106–112.

123. Сашенков, С. А. Проблема коммуникационных угроз в социальных сетях Интернета и их влияние на несовершеннолетних пользователей / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – 2015. – № 1. – С. 45–50.

124. Сашенков, С. А. Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Общество и право. – 2017. – № 1 (59). – С. 210–212.

125. Сашенков, С. А. Социальные сети как фактор повышения виктимности несовершеннолетних жертв преступлений против половой неприкосновенности / С. А. Сашенков, Н. М. Голубева. – текст : непосредственный // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2019. – С. 194–197.

126. Сашенков, С. А. Степень влияния онлайн-сообществ суицидального характера на поведение несовершеннолетних / С. А. Сашенков. – текст : непосредственный // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2017. – С. 456–461.

127. Сергеева, А. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сергеева Анна Валерьевна. – Москва, 2012. – текст : непосредственный.

128. Симоненко, А. В. Криминологические проблемы воспитания и его роль в предупреждении преступлений: дис. ... д-ра

юрид. наук : 12.00.08 / Симоненко Александр Викторович. – Москва, 2005. – текст : непосредственный.

129. Симоненко, В. Д. Общая и профессиональная педагогика : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Профессиональное обучение» : в 2 кн. / под ред. В. Д. Симоненко, М. В. Ретивых. – Брянск : Изд-во Брянского государственного университета, 2003. – Кн. 1. – текст : непосредственный.

130. Сливацкий, А. Б. Информационное управление // URL: <http://www.advertology.ru/article27076.htm> (дата обращения 10 октября 2022). – текст : электронный.

131. Смагина, А. В. Причины распространения экстремизма в России / А. В. Смагина, Д. И. Сопун. – текст : непосредственный // Российский следователь. – 2012. – № 8. – С. 33–36.

132. Соловьев, В. С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации : монография / В. С. Соловьев. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – текст : непосредственный.

133. Соловьев, В. С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) / В. С. Соловьев. – текст : непосредственный. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 60–72.

134. Старков, О. В. Криминология. Теория и практика : учебник для вузов / О. В. Старков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2016. – текст : непосредственный.

135. Стуканов, В. Г. Педагогическая профилактика девиантного поведения несовершеннолетних / В. Г. Стуканов. – Минск : Академия МВД, 2019. – текст : непосредственный.

136. Тарбагаев, А. Н. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205. 2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / А. Н. Тарбагаев. – текст : непосредственный // Вестник СПбГУ. Серия 14 : Право. – 2016. – № 2. – С. 28–39.

137. Тропина, Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы / Т. Л. Тропина – Владивосток, 2007. – текст : непосредственный.

138. Фатеева, И. А. Характер рисков, подстерегающих несовершеннолетних в социальных сетях, и способы их предотвращения / И. А. Фатеева. – текст : непосредственный // Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований : материалы международной научно-практической конференции. – Минск, 2014. – С. 150–152.

139. Хлоповских, Ю. Г. Девиантное поведение несовершеннолетних : причины, профилактика, коррекция : учебное пособие для курсантов юридического факультета / Ю. Г. Хлоповских, И. А. Прокудин, С. А. Сашенков. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2021. – текст : непосредственный.

140. Хуэй Шэнь Ву, Фань Ин. Компьютерная преступность и правовое обеспечение информационной безопасности // URL: <http://www.crime-research.ru/articles/crimes2009> (дата обращения: 28.02.2022) – текст : электронный.

141. Чекунов, И. Г. Киберпреступность: понятие и классификация / И. Г. Чекунов. – текст : непосредственный // Российский следователь. – 2012. – № 2. – С. 37–44.

142. Шарков, А. Е. Неправомерный доступ к компьютерной информации: преступность деяния и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шарков Александр Евгеньевич. – Ставрополь, 2004. – текст : непосредственный.

143. Шиллер, В. В. Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте») / В. В. Шиллер. – текст : непосредственный // Вестник КемГУ. – 2013. – № 3 (55). – С. 124–129.

144. Шипицин, А. И. Феномен социальных сетей в современной культуре / А. И. Шипицин. – текст : непосредственный // Известия ВГПУ. – 2011. – № 3. – С. 36–40.

145. Шуняев, В. А. Негативная информационная среда и насильственная преступность несовершеннолетних / В. А. Шуняев. – текст : непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции. – Тамбов. 2013. – С. 209–214.

146. Шурухнов, Н. Г. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации / Н. Г. Шурухнов. – Москва : Щит-М, 1999. – текст : непосредственный.

147. Щеголева, А. Н. Виктимологические аспекты ранней профилактики преступности несовершеннолетних : монография / А. Н. Щеголева ; под науч. ред. В. А. Лелекова. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2009. – текст : непосредственный.

148. Aftab, P. Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab // URL: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (дата обращения: 05.02.2022). – текст : электронный.

149. Boyd, D. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. Boyd, N. Ellison. – текст : электронный. // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – Т. 13. – № 1. – P. 210–230.

150. J. Prichard, C. Spiranovic, K. Gelb, P. A. Watters, T. Krone. Tertiary Education Students' Attitudes to the Harmfulness of Viewing and Distributing Child Pornography / J. Prichard, C. Spiranovic, K. Gelb, P. A. Watters, T. Krone // URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=tr&user=-EYHVVEEAAAAJ&citation_for_view=-EYHVVEEAAAAJ:yD5IFk8b50cC (дата обращения: 12.12.2022). – текст : электронный.

151. Kowalski, R. M. Cyberbullying: Bullying in the digital age 2nd ed. / R. M. Kowalski, S. P. Limber, P. W. Agatston. – Chichester: Wiley-Blackwell. 2011. – текст : непосредственный.

152. Sadist Behind the Screen: The 'Internet Troll' Personality. URL: <http://www.livescience.com/48128-internet-trolls-sadistic-personalities.html> (дата обращения 28.12.2022) – текст : электронный.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ, ВИДЫ И ПРИЧИНЫ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА ИНТЕРНЕТА	5
1.1. Социальные медиа как среда деструктивного поведения несовершеннолетних	5
1.2. Типология правонарушений и деструктивных угроз социальных медиа и их воздействие на несовершеннолетних.....	27
1.3. Социально-психологические особенности лиц, проявляющих деструктивное поведение в социальных медиа	55
1.4. Проблемы правового регулирования социальных медиа	77
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА ИНТЕРНЕТА	97
2.1. Объекты педагогической профилактики правонарушений и деструктивного поведения в социальных медиа, методика их выявления	97
2.2. Психолого-педагогические основы профилактики правонарушений и деструктивного поведения несовершеннолетних	108
2.3. Информационная культура как цель педагогической профилактики правонарушений и деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных медиа	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	128

Научное издание

Сергей Александрович Сашенков

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Монография

Редактор Н. Ф. Палихова

Компьютерная верстка М. А. Стаженец

Подписано в печать 24.02.2023 Формат 60x84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс Новая. Печать офсетная

Усл. печ. л. 8,54

Тираж 40 экз. Заказ № 143.

Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53

Типография Воронежского института МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53